

Кира Фарди
Спаси меня!

«Автор»

2022

Фарди К.

Спаси меня! / К. Фарди — «Автор», 2022

Алина с двумя детьми сбегает от дебошира-мужа и прячется за мусорными баками в соседнем дворе. Наконец она нашла в себе силы, чтобы разорвать ненавистные отношения и начать новую жизнь. Но судьба преподносит ей новые сюрпризы и приводит в логово таинственной организации. А где-то в горах Испании Карлос обнаруживает в подвале своего отеля записку, приклеенную к стеклу. Надпись: «Спасите меня!» – не дает ему покоя, он начинает частное расследование и оказывается в машине, висящей над пропастью. Судьба тесно переплетет дороги героев, но за счастье придется заплатить высокую цену.

© Фарди К., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	53
Глава 12	58
Глава 13	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Кира Фарди

Спаси меня!

Глава 1

Беглянки

Алина бежала, не разбирая дороги. Босые ноги спотыкались о камни, щепки, но женщина ничего не чувствовала.

Страх, необузданный, панический! Он гнал ее по улице вдоль безразличных серых домов, где за светлыми квадратами окон текла простая жизнь.

Что там, за углом?

Она притормозила, прижалась спиной к стене. Туго зажмурила на мгновение глаза, чтобы смахнуть не нужные сейчас слезы, потом чуть приоткрыла. Густые ресницы задрожали. Вздых облегчения. Прохожий.

«Быстрее, быстрее!» – в такт шагам стучало сердце, которое готово было вырваться из груди. Подгоняло ощущение: опасность близко, вот-вот выскочит из-за угла. Алина старалась не коситься через плечо, не тратить время на бессмысленные движения. Лихорадочно блестящие глаза высматривали место, где можно спрятаться, спастись от преследователя. Но за ладони с двух сторон держались дети и замедляли бег. Они не плакали, не кричали, слышалось только тяжелое прерывистое дыхание.

Старшая, восьмилетняя Настя, иногда вырывалась на пару шагов вперед и тянула за собой мать, а младшая, Катя, наоборот, тормозила движение. Девочка упиралась ногами, а то и просто садилась на асфальт, и тогда Алина чуть не волоком тянула ее за собой.

– Мама! – беззвучно крикнула Настя, повернувшись к Алине лицом. – Катя...

Мать скосила глаза и с ужасом увидела распахнутый рот, готовый вот-вот разразиться громким плачем. Женщина зажала дочери губы, подхватила ее на руки и кинулась в подворотню. И тут же вскрикнула от боли: ребенок вцепился в мякоть ладони зубами.

– Мама, туда! – Настя показывала на мусорные баки, огороженные с трех сторон кирпичной кладкой.

Алина бросилась к ним, забралась в дальний угол, замерла. Настя бесшумно села рядом и прижалась теплым боком.

– Тихо, тихо, моя девочка, – мать шептала на ухо Кате успокаивающие слова, – потерпи немного, скоро будем дома.

Сказала так и поняла: домой нельзя. «Что делать? Что делать? Куда податься? Он везде нас найдет!» Глухие рыдания вырвались из груди, но Алина всхлипнула и подавила их усилием воли. Плакать тоже нельзя. «Не раскисай! Думай! Думай!» – билась в висках мысль.

Женщина почувствовала, как дочка отпустила ее ладонь, посмотрела: на коже остались следы зубов, но крови не было. Она машинально погладила Катю по голове.

– Мама, я на качели хочу! – заявила девочка и встала с колен, на которых сидела. Алина резко дернула ее назад и поймала взгляд круглых глаз Насти. Ужаснулась глупому поступку: с Катей так нельзя.

– Какие качели? – пробормотала Алина и огляделась.

Мусорные баки стояли недалеко от детской площадки с грибочками, домиками, горками и качелями. Накрапывал мелкий дождь, поэтому городок пустовал.

– Катюша, посиди немножко, – спасла положение Настя, – хочешь конфетку?

Маленькая девочка кивнула и забыла про качели. Мать облегченно вздохнула. Не всегда удается так быстро переключить внимание дочери. А старшая, какая молодец! И радостно, что природа наградила ее таким сообразительным ребенком, и горько. Из груди снова вырвалось сдерживаемое рыдание. Испуганно зажала ладонью рот. Огляделась.

Небо потемнело совсем. Холодно. Алина приподняла одну голую руку, другую, обе, будто налиты свинцом: Катя весит немало. Адреналиновая атака спадала, и Алина почувствовала, что дрожит. Тряслись пальцы и грязные израненные ноги, выбивали чечетку зубы. Она выскочила из дома в тонких лосинах и футболке, босиком, а на дворе уже поздняя осень. Только сейчас она обнаружила, что трудом может говорить, а правая сторона лица почти не двигается. Осторожно потрогала и поняла, что разливается отек. Саднила рассеченная губа, огнем горели ноги.

Аромат гнили, доносившийся от мусорных контейнеров, ее не трогал. Какая разница, чем пахнет! Главное – здесь безопасно, если, конечно, Катя не закричит...

Хотя... Вряд ли он будет искать их по всем дворам. Выскочил следом в порыве злости, но притормозил: элитному летчику не пристало за женой с детьми гоняться. Скорее всего, начнет осторожно обзванивать подруг Алины, вынюхивать обстановку, сходит к соседям. А может, просто вернулся уже домой и запивает ссору с женой алкоголем.

– Мама, смотри! – Настенька показала пальцем на ограждение. Алина с трудом подняла набрякшее веко: рядом с крайним контейнером на заборе висело старое пальто, а на асфальте стояли потрепанные кроссовки.

– Принеси мне, доченька, я совсем замерзла, – едва разомкнула губы женщина. Она укуталась в пальто, и замерла на секунду, закрыла глаза. Нужна передышка. Растирая ледяные руки, Алина старалась усмирить панику, упорядочить спутавшиеся мысли. Рядом шептались девочки. И опять женщина восхитилась умницей Настей. Как она всегда умудрялась успокоить не только мать, но и младшую сестренку!

В груди сжался тяжелый ком: за что ее чудному ребенку достались такие бесполезные родители! Вот и сегодня, зная схему домашних скандалов, Настенька при первых признаках конфликта одела сестренку, вывела ее на улицу, еще и конфеты с собой прихватила. Какие воспоминания останутся у нее от детства? Отец с красными от бешенства глазами и мать, вечно прячущая синяки под слоем тонального крема!

– Это что вы тут, побирушки, делаете? А ну, марш отсюда! – как гром, прямо над головой раздался визгливый старческий голос.

Девочки вскрикнули и прижались к матери. Катя засунула голову под теплую подмышку, только черный хвостик торчит. Алина хотела вскочить, но стала заваливаться набок: затекшие ноги не слушались. Она прижалась спиной к стене и стала понемногу выпрямляться, придерживая руками дочек, но тут же садилась на землю. «Что со мной?» – паника снова захватила сознание.

– Во, мамыши пошли! – не успокаивалась старуха. – Нажрут и света белого не видят. Хоть бы детей пожалела, синюшка!

– Простите, пожалуйста, мы сейчас уйдем, – заплакала Настя. – Мама, вовсе не пьяная. Она замерзла сильно. Mamочка, ты можешь встать?

Девочка потянула Алину на себя. Катя, думая, что это такая веселая игра, засмеялась. Она уже перестала бояться и снова поглядывала на качели. Вот она сорвалась с места и, не обращая внимания на крики сестры, бросилась в детский городок.

– Настя, держи Катю!

Усилием воли Алина встала и прижалась к стене, чтобы передохнуть. Она не смотрела на старуху, выгонявшую их из-за баков, зато пожилая женщина хорошо разглядела Алину в свете фонаря и вскрикнула:

– Мать-ети! Это какая же сволочь тебя так разукрасила?

– Муж, – коротко ответила Алина и, шатаясь, пошла за дочками.

Большие кроссовки шлепали по голым пяткам, пальто, надетое на одну руку, так как вторым краем мать согревала Катю, слетело и с тихим плеском упало в лужу. Но Алина будто закаменела. Она смотрела на малышку, которая уже забралась на узкую дощечку и раскачивалась со всей силы, и нехорошие мысли крутились в голове.

– Милая, тебе есть куда пойти сейчас? – голос старухи сменил гневные нотки на жалостливые, и Алина наконец посмотрела на нее. Перед ней стояла еще не слишком старая женщина в дворничком фартуке с метлой в руках.

– Нет, – вяло и безучастно ответила она.

– Давай, забирай девчонок, пойдем.

– Куда? – Алина наконец включилась в действительность и повернулась в дворничихе.

– Я же говорю, ко мне. Согреетесь, чайку попьете, и жизнь не такой ужасной казаться станет, – увидев, что Алина затряслась, женщина бросилась к ней и крепко обняла. – Ну, поплачь, поплачь! Слезы, они такие, душу очищают.

Ирина Ивановна, так звали женщину, привела мать с дочками к себе в квартирку на первом этаже. Две комнаты и кухня сияли чистотой. Алине стало стыдно за свои грязные босые ноги. Дворничиха, заметив, что гостя мнется у двери, прикрикнула на нее и заставила пройти. Она сама раздела девочек, и Катя, увидев, полосатого кота, погналась за ним. Настенька аккуратно повесила одежду, сложила обувь и тоже скромно села на краешек дивана.

– Иди пока в ванную, а я чайник поставлю, – сказала Ирина Ивановна и сунула в руки гостя полотенце и домашний фланелевый халат.

Алина умылась и стояла у зеркала, разглядывая лицо. «Сволочь! Почему нужно бить именно по лицу?» Справа синела опухшая щека, нижняя губа тоже раздулась. А впрочем, не так уж и плохо. Бывало и хуже. Только вот что делать с жизнью такой, кто знает? Кто даст совет, куда идти несчастной женщине с двумя малолетними детьми? Домой? Муж, наверное, уже перекипел, будет извиняться, умолять простить его. А ей, что делать? Последнее время такие вспышки ярости стали все чаще, и все меньше спасения от них.

Детский крик вывел Алину из задумчивости. Она выскочила из ванной и остановилась, как вкопанная. В кухне Катя стояла на четвереньках и вместе с котом лакала из блюдечка молоко. Рядом сидела на стуле растерянная Ирина Ивановна, а Настя гладила ее по руке.

– Это что она делает? – дворничиха перевела взгляд на Алину. – Так же нельзя.

– Ей можно, – спокойно ответила гостя, – как только молоко закончится, Катя сама переключится.

– Но ведь... это кошачья миска, – растерянно пробормотала Ирина Ивановна.

– А ей все равно.

Действительно, довольная девочка встала с коленок, схватила животное за полосатый хвост и потащила за собой в комнату. Ошарашенный кот, не привыкший к такому насилию, истошно завопил, но бросаться на ребенка не стал. Мария Ивановна молча переводила глаза с девочки на мать. Она явно не понимала, почему Алина так безучастна.

– А что с ней? – шепотом спросила она.

– Умственная отсталость с агрессивным поведением. Бесполезно ее насильно что-то заставлять делать. Потом невозможно успокоить, – равнодушно ответила Алина, а в голове опять зашевелились плохие мысли.

– А почему она такая?

– Наследственность подкачала, – нехотя ответила гостя, не желая вдаваться в подробности.

Но отвязаться от Ирины Ивановны оказалось невозможно. Первая растерянность прошла, и дворничиха решительно встала.

– Мурзик – моя семья. Он не привык к такому обращению. Как хочешь, но давай его спасать будем.

Алине стало неловко: она настолько привыкла к выходкам Кати, что очерствела душой, считала их вполне естественными. Она пошла за Ириной Ивановной в комнату. Но Мурзик сам нашел выход из положения. Умный кот сбежал от мучительницы и забился в бельевой ящик дивана. Катя с криками бегала вокруг, но достать его не могла. Потом девочка легла на пол и завывала. Мороз по коже побежал от этого животного вопля.

– Святой Боже! Это что же она делает! – Ирина Ивановна перекрестилась, потом посмотрела на Алину. – Милая, как ты в этом аду живешь?

У сердобольной женщины показались на глазах слезы. Она бросилась к гостье и крепко прижала ее к себе. От этой неожиданной ласки что-то лопнуло в груди и растеклось теплом по всему телу. Алина заплакала. Сморщила личико и Настя.

– Ну, вот! Развели тут всемирный потоп! Хватит, девки, реветь! Будем пить чай с клубничным вареньем? – она посмотрела на гостей. – Любите такое? Вот и отлично!

Девочки сели на угловой диванчик, окружавший стол. За окном разливалась темнота. По стеклу барабанной дробью стучал дождь, а в маленькой кухне было тепло и уютно.

– Бабушка, а у тебя печенье есть? – поинтересовалась Катя. – Мама, я кушать хочу.

– Ах, ты, моя дорогая! – умилилась дворничиха. – Я приготовила на ужин тушеную картошку. Будешь?

Девочки кивнули, и довольная Ирина Ивановна быстро накрыла на стол. Ели жадно и молча. Дома скандал начался как раз во время ужина, поэтому никто не успел проглотить ни ложки. Лосось, приготовленный на пару, и греческий салат так и остались нетронутыми.

Уловив мирную атмосферу, из-под дивана несмело выбрался Мурзик. Он приблизился к дверям в кухню, но зайти не рискнул. Так и топтался на месте. Катя, поедавшая ложками клубничное варенье, пока не обращала на него внимания, но Алина знала: это ненадолго. Когда девочка выходила во двор на прогулку, хорошие хозяйки уводили своих питомцев домой.

– У меня есть пазлы! – радостно воскликнула Ирина Ивановна, почувствовав нарастающее напряжение. – И кукла! Внучке купила. Твои будут играть?

– Да. А еще можно мультики включить. Катя тогда совсем успокоится. Настя, ты поиграешь немножко с сестрой?

Наконец женщины остались одни. Ирина Ивановна принесла заживляющую мазь, обработала Алине раны, подвинула гостье чашку чая.

– А теперь рассказывай! Как ты дошла до жизни такой, что приходится от мужа прятаться по помойкам.

– А что рассказывать? – возразила Алина. – Многие молоденькие дурочки попали в такую же ловушку, как я.

Глава 2

Вся правда о вещих снах

– Вот ты и поведай, не стесняйся. А я выслушаю тебя. Глядишь, и туман развеется, солнышко выглянет, дорожку правильную жизненную подскажет.

– Ох, Ирина Ивановна, как вы убеждать умеете, – улынулась Алина и начала свою историю. Моя судьба была предрешена еще с рождения.

Мама, когда забеременела мной, видела вещий сон. Или она так решила, что он вещий, не знаю, но мою жизнь все родственники прогнозировали именно по этому проклятому сну.

Мама сидела в яблоневом саду и отдыхала. Вокруг на деревьях краснели плоды размером с кулак взрослого мужчины. Перед ней тоже стояла ваза, наполненная спелыми фруктами. Вдруг она увидела, как среди густых веток мелькнуло белое платье. Мама пригляделась: из глубины сада выходила красивая девушка. И по мере ее движения с деревьями происходило что-то странное. Яблоки на них вспыхивали и превращались в солнышки. Скоро весь сад заполнял золотистое свечение.

Когда девушка подошла к столу, яблоки в вазе тоже пожелтели и засияли так, что мама зажмурила глаза. Тут она проснулась, рассказала сон бабушке, а та решила, что родится девочка, и ждет малышку совершенно невероятная судьба. Замуж она выйдет за богатого человека и всю жизнь будет, как сыр в масле, кататься.

Родственники такому пророчеству сначала не поверили, но когда действительно родилась девочка, все снова вспомнили этот сон. Я так и росла с присказками, что мне за будущее можно не волноваться: небеса все спланировали за меня.

– А что! Я тоже верю в предсказания. Гадальки иногда так точно пророчествуют, будто в воду глядят и все видят. И как ты росла?

– Нормально. Вообще, в юности я была веселой и жизнерадостной девушкой. Очень любила петь и танцевать, даже мечтала стать актрисой. Не поверите, серьезно готовилась к вступительным экзаменам в театральный вуз, но родители не пустили в Москву: сон судьбу актрисы не предсказывал, – Алина невесело усмехнулась.

Еще я занималась спортом, играла в волейбол, и мечтала, как все девчонки, о большой и светлой любви. Нет, принц на белом коне мне был не нужен. Я совсем не верила в вещий сон и предсказания бабушки. Хотя внушение дало о себе знать: он позже появился, только в сексуальных фантазиях. А вот встретить хорошего молодого человека с приличным заработком была бы не против, да только внешность не позволяла. Сами видите, я самая обыкновенная женщина, – Алина встала и подошла к окну. Пригляделась к отражению. – Хотя, из-за синяков даже посредственная красота не видна, – она горько усмехнулась и снова села к столу.

– Ты зря на себя наговариваешь, милая, – Ирина Ивановна прошла по кухне, поставила в раковину чашки. – Еще не видела ни одной девчонки, которая бы осталась довольна своим личиком.

– Ну, да. Зря, – согласилась Алина, – грех жаловаться, у меня отличная фигурка и стройные длинные ноги. О таких говорят, что они растут от ушей. Парни часто кричали вслед: «Ах, такие ножки да мне на шейку!» Меня прямо передергивало от отвращения. А еще некоторых привлекали глаза. Они у меня хамелеоны, меняют цвет от серо-зеленых до темно-синих в зависимости от одежды, настроения и макияжа.

– А ну-ка, покажи. Ого, сейчас глаза темно-серые.

Мягко переступая лапами, к Алине подошел Мурзик. Он недоверчиво обнюхал незнакомку, потом прыгнул на сиденье, оттуда на спинку диванчика и лег, по-хозяйски свесив хвост чуть не на голову госте.

– Фу, безобразник, – ласково шикнула на кота дворничиха и пояснила, – это его любимое место. – А что ты свободно гуляешь? Катюшку не боишься? – Ирина Ивановна заглянула в комнату. – Глянь, твои дочки спят уже.

Алина вошла в комнату: Настя лежала на диване, свернувшись калачиком, а на ее ногах спала Катя. Когда девочки заснули, мать и не заметила. Усталость и переживания взяли свое. Алина растерянно посмотрела на Ирину Ивановну, не зная, что делать.

– Мы, наверное, пойдем, – робко прошептала она и наклонилась, чтобы поднять Катю.

– И куда ты, на ночь глядя, собралась? Не дури, оставайся у меня. Утро вечера мудренее, говорят в сказках.

Они раздели девочек, сводили их полусонных в туалет и уложили на кровать в спальне. А сами вернулись в кухню. Ирина Ивановна снова поставила чайник.

– Не знаю, чем я привлекала людей, – продолжила рассказ Алина, – но меня всегда окружало много друзей, и поклонников хватало. Я сама тоже иногда влюблялась, так, ненадолго, месяц-два, и все пролетало, не оставляя ни следа в душе, ни воспоминаний. Вот и порхала, дурочка, как мотылек, с цветка на цветок. Все в жизни мне легко удавалось: колледж закончила на пятерки, собиралась в медицинский вуз поступать, с девчонками из общежития душевно дружили, не скандалили – я и думала, что так будет всегда.

– А замуж когда вышла?

– В девятнадцать. Влюбилась случайно, – Алина замолчала, задумчиво теребя поясок халата. – Знаете, Ирина Ивановна, я о чем сейчас подумала?

– Ну, откуда же мне знать? Расскажи, раз мысль покоя не дает.

– Если бы не то глупое стечение обстоятельств, мы с мужем, наверное, никогда бы не встретились.

– Что теперь об этом говорить, милая. Дело сделано, надо теперь его как-то разделявать. Ой, что сказала! – засмеялась дворничиха. – Ты продолжай, чего замолчала.

– Тогда я работала в детском стационаре медсестрой приемного покоя. В мае больница устроила в ресторане кооперативные посиделки на пятилетие с момента открытия.

Организаторы сняли почти весь зал, кроме двух столиков, за которые и сели молодые и красивые ребята – военные летчики с местной авиабазы. Алкоголь лился рекой, и скоро все захмелели. А тут музыка заводная! Мы с Лилей, это моя подружка юности, только ее все почему-то называли Илькой, танцевали, как сумасшедшие. Так весело было! Тогда и познакомилась с двумя друзьями – Виктором и Андреем. Они нас пригласили на медленный трек. Домой пошли вчетвером. Ребята проводили нас до общежития. На следующий день вся страна праздновала Первое Мая. Так мы и оказались в гостях у летчиков.

– Сразу пошли на квартиру? – охнула Ирина Ивановна. – В мое время девчонки были осторожнее.

– Ничего в этом странного нет. Так знакомились часто и, как правило, это не приводило к прочным отношениям. Классные ребята, почему бы не повеселиться! Мы пришли в квартиру, которую они снимали. Летчики уже накрыли стол, приготовили закуски. Сначала, конечно, мы стеснялись, но после первой стопки разговорились, и неловкость прошла. Мне приглянулся красавец Андрей, а за Илькой стал ухаживать Виктор. Мне он сразу не понравился, какой-то деревенский увалень. Нет, не по внешности! Вполне приятный парень, без изъянов. Просто поведение показалось странным.

– А что такое?

– Трудно сказать. Суетился излишне, смотрел пристально, нам с Илькой подливал постоянно. Сработало подсознание. Вроде бы причин опасаться его не было, но почему-то хотелось держаться подальше. Выпили шампанского, поболтали, потанцевали, а потом..., будто что-то неуловимо изменилось в воздухе. Атмосфера стала душной, повисло напряжение. Андрей стал

вести себя безобразно: перегаром дышал мне в лицо, сально шептал на ухо комплименты и при этом пытался лизнуть мочку.

Я уворачивалась, как могла. Сначала шутливо отводила его голову, потом делала вид, что разговариваю с подругой. А когда он положил мне на колено ладонь, и стал водить пальцами по внутренней стороне бедра, поднимаясь все выше, не выдержала. Жизненного опыта никакого, девчонка и по возрасту, и по мозгам. Об интимных отношениях между мужчиной и женщиной только в книжках читала, или подружки рассказывали, кто уже переспал с парнями. Вот и перепугалась до смерти, не знала, как избавиться от навязчивого поклонника.

Я в панике вскочила, но скандалить не стала, да и повода особого не было, Андрей все в шутку оборачивал. Если бы стала ругаться, выглядела бы истеричкой. Неловко, поэтому от греха подальше пошла на кухню делать бутерброды. За мной отправился и Виктор. Слово за слово – разговорились. Оказалось, у нас много общего: мы любим одну и ту же музыку, смотрим одни и те же фильмы. Он ловко обращался с ножом, показал мне парочку приемов: в летнем институте научился на занятиях по самообороне. А когда вернулись в комнату, увидели целующихся Андрея и Илью.

Так и сложились наши пары. Виктор стал часто приходить к общежитию. Мы гуляли, смотрели кино, сидели в кафе. Мой друг хорошо зарабатывал, поэтому мог не отказывать себе в маленьких удовольствиях. А еще он с таким обожанием смотрел на меня, потакал всем прихотям, что я даже не заметила, как влюбилась. Если бы я тогда хоть на секунду задумалась! Если бы вспомнила первое неприятное впечатление о нем! Но нет! Все подружки хором твердили, как мне повезло с кавалером. Родственники Виктору дифирамбы пели, кто-то даже решил, что предсказание сбываться начинает. Разве разглядишь за подарками, цветами и комплиментами истинную натуру человека!

Я и не заметила, как он стал управлять моей жизнью по-хозяйски. Говорил, куда я должна сегодня пойти после работы, чем заниматься, планировал каждый вечер, делал сюрпризы. Поначалу мне это нравилось. Какая девушка не мечтает, чтобы любимый обращался с ней, как дрезденским фарфором. Я чувствовала себя слабой и женственной, будто родилась в девятнадцатом веке, а не в конце двадцатого. Но когда первый порыв очарования галантным кавалером прошел, поняла, что оказалась в хорошо расставленной западне. То, чего добивался с первой минуты прямолинейный Андрей, хитрый Виктор получил после тщательно спланированной стратегии.

– А ты что хотела, милая? Сама в ловушку шла полным ходом, не разбирая дороги.

– Согласна. Мозги будто отключились от счастья. Однажды мы компанией сидели в баре, отмечали день рождения Виктора. Расходиться не хотелось, и любимый предложил пойти к нему домой. Мы согласились, и шумно завалились в гости. Девушки достали упаковки с колбасой и сыром, нарезали овощи и фрукты. Молодые люди разлили по пластиковым стаканчикам вино.

В самом разгаре вечера я почувствовала себя плохо. То ли спиртного выпила слишком много, то ли устала после работы, но едва сдержалась на ногах. Я легла на кровать и задремала, поэтому не заметила, как Виктор быстро выпроводил гостей. Эту ночь отпечаталась в памяти кошмаром на всю жизнь.

Алина вскочила и заметалась по кухне. Тяжелый ком сдавил грудь, вызывая приступы тошноты. Ирина Ивановна, как заправский психолог, сунула ей в руки бумажный пакет и приказала дышать. Через минуту паническая атака отступила, дыхание выровнялось, и Алина продолжила тяжелый рассказ.

– Сквозь сон я почувствовала, как что-то придавило мне грудь. Хотела повернуться набок, но тяжесть не исчезла. Я с трудом разлепила веки и увидела над собой любимого. Он захлебывался от возбуждения и срывал с меня одежду. Сначала я не испугалась. Виктор всегда вел себя адекватно, прислушивался к моим прихотям. Но он не желал останавливаться. Тогда

я начала изворачиваться и бороться, но у меня ничего не получалось. До сих пор помню то жуткое состояние: разумом понимаю, что меня хотят изнасиловать, а сделать ничего не могу. Руки тяжелые. Голова, как у китайского болванчика, мотается по сторонам, движения замедленные, будто нахожусь под воздействием чего-то.

Честно говоря, я до сих пор думаю, что Виктор подмешал в бокал клофелин или еще какую-то дрянь. Надоело ему ждать, пока я сама созрею, вот и решил ускорить процесс.

– Как! Неужели до такого додумался!

– Не знаю. Виктор и потом не признался. Но я выпила только бокал шампанского. Меня не могло так развести. Он, правда, шептал мне на ухо ласковые слова, даже уговаривал. Но делал все быстро, больше так, для видимости. Через пять минут уже сорвал с меня трусики и взял силой, – Алина помолчала, эти воспоминания мучили ее, терзали душу.

– А дальше что?

– А дальше я закричала. Девчонки говорили, что первый раз всегда больно, но что будет так, даже предположить не могла. Меня будто рвали на части. Боль начиналась снизу и была толчками по всему телу. Я задыхалась, плакала, умоляла отпустить меня, но он ничего не слушал, словно озверел. Сколько это продолжалось, я не помню. Может, сознание потеряла от шока или отключилась от того средства, что он мне подмешал в алкоголь. Очнулась на кровати. Лежу без одежды. Все тело болит. А рядом он храпит.

– Ужас! И ты за этого урода замуж вышла?

– Пришлось.

– Почему? Неужели одного раза мало было.

– Если бы один, – горько усмехнулась Алина.

– погоди. Ты меня пугаешь. А еще что случилось? Ты уж до конца рассказывай, выговорись.

– Мне неудобно об этом говорить, – прошептала Алина и заплакала. Ее лицо сморщилось, стало некрасивым, большой рот разъехался по сторонам, оголил белые зубы. Слезы бежали по щекам и вытекали тоненькой струйкой из носа, поэтому женщина все время шмыгала. – Я даже подружкам не рассказывала, какой у меня муж козел, стыдно. Нет, не стыдно. Просто никто не поверил бы.

– Ничего, милая, я поверю. Ты о стыде не думай. Представь, что едешь в поезде и рассказываешь о горькой жизни попутчице, – утирала слезы полотенцем Ирина Ивановна. – Ну, что, убежала?

– Хотела. Осторожно сползла с кровати. Понимала: надо уходить. Взяла футболку в руки – она распалась на два лоскута, юбку – ключья. Я за трусиками – под кроватью нашла – по шву оказались разорваны. Надеть на себя нечего. Голой на улицу не пойдешь, а к его одежде даже прикоснуться не могла, отвращение переполняло. Вытащила из шкафа простынку, завернулась в нее и на цыпочках к двери пошла. Звонить подружкам побоялась, вдруг услышит.

Только ключи в замке стала поворачивать, а Виктор над ухом как рывкнет: «Ты куда, дорогая, собралась!» – я чуть сознание от страха не потеряла. Он ключи отобрал, схватил за руку и потащил опять к кровати. Я умоляла, просила не трогать, говорила, что не переживу такую боль еще раз. А он расхохотался. «Ты совсем, девка, сбрендила! Никто от секса еще не умирал! Дырку я уже сделал, теперь ее расширять буду!» Я эти слова на всю жизнь запомнила.

Он бросил меня на живот и взял сзади, как собаку. Насиловал так яростно, что спинка кровати о стенку стучала. Я взвизгивала и стонала, тогда он уткнул мою голову в подушку, чтобы крики заглушить. Воздуха не было, я изворачивалась, как могла, чтобы получить поток кислорода. Инстинкт выживания заставил забыть о насилии. Одно вытеснило другое. И все равно, я чуть не задохнулась. Когда этот паразит кончил, лег на кровать и увидел, что я не двигаюсь, а лицо посинело, испугался. Вытащил меня в кухню, открыл форточку, водой брыз-

гать стал. Умолял о прощении. Проклинал алкоголь, который из него делает зверя. Сказал, что сначала не знал, что я девственница. Думал: ломаюсь, цену себе набиваю.

Потом обнял мои колени, сполз на пол и стал целовать ступни. Я не знала, куда спрятаться от неловкости, но зато немного успокоилась. Переключилась. Я же в него влюблена была. Так просто от чувств не откажешься. Решила, что он протрезвел, и теперь станет прежним ласковым и милым Виктором.

Зря. Дура доверчивая!

До сих пор перед глазами картина: голая стою у окна, одной ладошкой низ прикрываю, а другой грудь. А он на полу и снизу пристально меня разглядывает. Электричество не зажигали, только уличный фонарь немного освещал кухню, да луна в окно заглядывала. Потом уже где-то прочитала, что полнолуние усиливает у людей агрессию, а некоторые реагируют на влияние спутника слишком сильно.

И вдруг вижу, как его орган оживает и растет. Это было так страшно. Я же до этого момента никогда мужчин голых, да еще и в состоянии эрекции, не видела. Оттолкнула его, завизжала, и бросилась в комнату. Схватила телефон и ключи, он их небрежно на стол бросил, и к дверям. Даже про одежду не вспомнила!

Глава 3

К чему приводит долготерпение

– Убежала? – Ирина Ивановна смотрела на Алину круглыми глазами. Она машинально налила в чашку воду, сунула туда пакетик заварки, но получилась мутная бурда бледно-коричневого цвета. Бедная женщина, ошарашенная услышанным, забыла, что ставила чайник уже давно, и он остыл.

– Не успела. Он напал на меня сзади, ключи и телефон отобрал и в форточку открытую выбросил. Вот тут я и поняла, что пропала. Он меня либо убьет, либо мучить будет до потери сознания. И неожиданно успокоилась. Даже сама удивилась своему состоянию. Говорят же в народе, если не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней. Умирать я не хотела. Девственность уже потеряла, а от секса еще и вправду никто концы не отдавал, поэтому я смирилась. О том, что могу залететь, я в той ситуации не думала. Это была вторая моя ошибка. Виктор не пользовался презервативами, а результат скоро и появился.

– Забеременела?

– Ну, да. Он, сволочь, всю ночь развлекался, играл с моим телом. В целом взял семь раз.

– Семь раз! Девственницу! Да он половой гигант, не иначе, – ахнула возмущенная Ирина Ивановна.

– Я тоже сначала так думала, а еще решила, что он что-то выпил. Не знаю, что, но ненормально все было. Хотя он потом сказал, что это мое тело его так возбуждало. Под утро мы уснули. Устали. Он от чрезмерной активности, я от переживаний. Когда проснулись, Виктор чувствовал себя виноватым, в глаза не смотрел. Да и я не хотела с ним разговаривать. За эту ночь прошла любовь, очарование, будто пелена с глаз спала. Он позвонил другу, тот приехал, разыскал под окном телефон и ключи. Я Ильку позвала, чтобы она привезла одежду.

Пока их ждали, молча убрались в комнате. Разговаривать было не о чем. Виктор каялся, сварил кофе, сделала бутерброды, но я его не слушала. Хотела забыть эту ночь, как кошмарный сон. Андрей и Илька решили, что мы круто ночью повеселились, на этом тему первой ночи и закрыли.

– Вы тогда расстались?

– Я наивно полагала, что да. Видеть его не хотела, так противен был. И ночь старалась не вспоминать, чтобы не сойти с ума. Но Виктор не отставал. С этого дня прошел месяц. Он по-прежнему приходил к общежитию, приносил, цветы, подарки, но я к нему не выходила. Подружки меня осуждали, им так, как мне, с кавалерами не повезло. А тут меня по утрам тошнить стало. Да так сильно, что из туалета не выходила подолгу. Я сразу догадалась, что залетела, поняли это и подружки, не зря медицину изучали. Илька проговорила моей сестре, та маме.

Скоро о нашем расставании узнали и другие родственники. Что тут началось! Меня атаковали со всех сторон. И для знакомых и родных я стала неблагодарной стервой, а Виктор – золотом, светом в окошке.

– С Виктором ты будешь, как за каменной стеной, – твердили мне мать и сестра.

– Подумай, что ты делаешь! – убеждали подружки. – Где ты еще найдешь такого замечательного парня? Другой бы тебя бросил в интересном положении, а он уговаривает.

– Он же сволочь первостатейная, – плакала я на плече у Ильки: только с ней поделилась своим горем.

– Это с какой стороны посмотреть, – успокаивала меня подруга, – ты парня месяц мурыжила, к себе не подпускала, вот он и дошел до крайности. И потом, ему и в голову не прихо-

дило, что ты девственница. Все, с кем он до тебя встречался, сразу прыгали в постель. Он и решил, что ты просто цену себе набиваешь.

– Хорошо, почему же, когда он понял, что натворил, не остановился? Он не с проституткой развлекался – любимая девушка его умоляла.

– Не знаю, может, какие причины на это были. Ты же поговорить с ним не хочешь, извела парня совсем. Посмотри на меня, – убеждала ее Илька, – Андрей развлекся и оставил при своих интересах. А Виктор не такой. Он будет носить тебя на руках, одевать, как куклолку, обеспечит и тебя, и детей.

– Я за этого урода замуж не выйду! – заявила я в надежде, что меня услышат. – Лучше одна ребенка выращу!

Какое там! Никого мои слова не волновали. Виктор вел себя тише воды, ниже травы. Само совершенство. А мне хоть в омут с головой, так измучилась от токсикоза первого триместра. Выглядела с каждым днем все хуже. Высохла вся. Понимала, что мне не справиться нападками родственников и друзей. Девчонкой еще зеленой была.

В конце концов, мама принесла нам заполненные заявления на брак из своего поселкового совета. Я отказывалась подписывать.

– Лучше остаться матерью-одиночкой, чем жить с мужчиной, которого не люблю!

– Ах, не любишь! А когда в койку с ним ложились, ты об этом думала? – рассердилась мама.

– Я не ложились! – крикнула я в отчаянье. – Он силой меня туда затащил.

Тогда мама напомнила мне про вещий сон и в сердцах заявила:

– Знаешь, дорогая моя, доченька поговорку: «Сучка не захочет, кобель не вскочит?» Ты опозорить нашу семью решила? Посмотри на себя! Серая курица! А Витя над тобой как над голубкой трясется.

Я такого предательства от мамы не ожидала и от обиды согласилась на замужество, а потом до свадьбы от жениха пряталась.

– А ребенок этот Настенька, – Ирина Ивановна посмотрела в сторону спальни.

– Нет. Судьба сыграла со мной злую шутку: через неделю после свадьбы у меня случился выкидыш. Ребенок, из-за которого я пожертвовала своей свободой, покинул плохих родителей. Я тяжело переживала потерю, а еще не смирилась с мыслью, что до конца своих дней день и ночь буду видеть рядом человека, которого ненавижу и который предъявляет на меня права, как на приобретенную собственность.

О разводе заикнуться боялась. Меня родня и так считала эгоистичной стервой, которая думает только о личном комфорте. Вот и пришлось изо дня в день подавлять собственное «я» и приспособливаться к новой жизни. Да и Виктор вел себя по-джентельменски. Только Алиночка, родная, любимая. Постепенно я научилась гасить в себе протест: когда надо, веселилась, когда надо, изображала страсть, и прятала глубоко в себе истинные чувства.

А потом появились Настя, мое счастье и любовь. Жизнь шла своим чередом, не хуже, чем у других. Дочке исполнилось два года, когда муж заговорил о втором ребенке. Его, видишь ли, мужская натура требовала сына! – Алинка чуть не сплюнула от злости на пол. – Я сопротивлялась, но узнав его поближе, давно поняла, что бесполезно: если он что-то решил, обязательно своего добьется. А еще при ребенке скандалить не хотелось. Настенька очень ранимая девочка, всего в детстве боялась. Мы дома даже голос повысить не могли: она сразу пряталась за шторой и дрожала. Может, поэтому Виктор держался от нее подальше. Он у нас громкоголосый, а умирать натуру не привык.

Я забеременела, Виктор был счастлив. На руках носил, подарками забрасывал, дома делать ничего не давал. С Настей возился. И малышка оттаяла, с ним играть стала. Я потому так долго его терпела, что, когда он трезвый, лучше мужа и отца не найти. Это он только пья-

ный с цепи срывался. А еще он часто улетал в командировки, так что мы с Настенькой вполне счастливо жили.

– Странно, получается, он тебя больше не насиловал и не бил.

– Ну, да! Он срываться стал, когда узнал, что вторая девочка будет. А тут узи показало, что у ребенка есть проблемы со здоровьем. Вот тогда и наступил мой Армагеддон. Виктор требовал, чтобы я избавилась от больного плода, да и врачи хором твердили: «Ребенок-инвалид – горе в семье. Многие не выдерживают трудностей, и пары распадаются». Я отказалась. Иногда мысли закрадывались грешные: если выгонит из дому, будет шанс развестись. А как буду жить одна, на пособие и алименты, даже не задумывалась. Вы, наверное, меня легкомысленной считаете? – Алина посмотрела на Ирину Ивановну.

– Есть чуток. Я слушаю тебя и удивляюсь. Не понимаю, почему столько лет терпела. Хотя ты же говоришь: тебя никто из родных не поддерживал. Было куда пойти?

– В том-то и дело, что нет. Могла уехать к маме в поселок, я же в деревне выросла, правда большой, но все же. Но мама не желала даже слушать меня. У нее самой судьба несладкая. С отцом развелись, как только я замуж вышла. Он новую даму сердца почти сразу нашел, женился и забыл о старой семье. На руках остались младшие сестры. Когда я попросила о помощи и поддержке, она мне сказала, что подумает. Я обрадовалась, стала вещи собирать. А потом звонит сестра, и говорит: «Извини, мама сказала, что у тебя есть хороший муж, пусть он о тебе и заботится».

– Так и сказала?

– Да. С тех пор я ни разу больше за помощью не обращалась. В их глазах я живу успешно. Удачно вышла замуж, Виктор хорошо зарабатывает. Квартиру получили по военной ипотеке. А мне что делать! – повысила голос Алина и осеклась, покосившись на спальню: девочки спали ночью крепко, но если Катю разбудишь, потом ни за что не успокоишь. – Мне же всего двадцать два года было. Другие в это время только отношения заводят, а я уже второго ребенка носила!

– А принять предложение врачей не думала?

– Сначала хотела, а пока собиралась, все сроки вышли. А Витя как озверел. Снова стал бить. Напьется и начинает руками махать. И все норовит попасть по животу, – Алина снова всхлипнула и замолчала, чтобы справиться с эмоциями. Я упаду на пол, свернусь калачиком, чтобы ребенка защитить, и молюсь. А за шторкой Настя от страха трясется и пищит, как мышка, а голос подать боится. Убегать я уже позже стала.

– Вот гаденыш! Как таких сволочей земля носит! – ругалась Ирина Ивановна. Бедная дворничиха металась по кухне, не зная, куда деть свою ярость. – Собирайся, у меня знакомый полицейский есть. Возьмем его и к твоему красавцу летчику наведаемся!

Ирина Ивановна кинулась в прихожую и стала одеваться.

– Что, прямо сейчас пойдем? – растерялась от такого напора Алина.

– Нет. Ты пока посиди, я к Стасику сбегаю, выше этажом живет. Он подскажет, как дальше быть.

Через секунду дворничиха исчезла. «Не женщина, а нурс», – покачала головой Алина, не заметив, что использовала любимое выражение мужа. Когда он говорил о ком-то, что он быстрый, муж использовал это слово. Однажды Алина поинтересовалась, что такое нурс. Оказалось, это аббревиатура и расшифровывается как наземный управляемый реактивный снаряд.

Ирина Ивановна вернулась почти сразу.

– Извини, девка, на службе он. Только завтра придет. Раньше утра ничего не получится сделать. Знаешь, что я придумала? – Алина посмотрела на нее. – Мы твои побои сфотографируем, а завтра пойдем заявление в полицию подавать. Если пока разводиться не собираешься, это поможет его приструнить.

– Ему нельзя попадать в полицию, – растерянно пролепетала Алина, пока дворничиха крутилась вокруг нее и делала снимки, – сразу сообщат в воинскую часть. Может тогда лишиться и звания, и работы.

– А ты что дорогая хочешь? Если планируешь и дальше его защищать, тогда флаг тебе в руки и терпи, пока инвалидом не сделает.

– До такого, думаю, не дойдет. Он слишком дорожит своей работой. Испугается.

– Смотри сама. Утром Стасик придет, вот с ним все и оговоришь. Как скажешь, так и сделаем. Захочешь, посадим, захочешь, на развод поможем заявление подать. А не захочешь, домой пойдешь. И тогда девонька моя, чтобы я тебя в своем дворе не видела больше. Сдам в полицию как побирушку. А там сообщат в органы соцзащиты детей. Думай сама.

Женщины немного помолчали, каждая о своем. Алина сначала обиделась на резкие слова, а потом, поразмыслив, решила, что Ирина Ивановна права: надо что-то менять в этой проклятой жизни. Почему бы не принять помощь добрых людей!

– Только у меня ни ключей от дома, ни денег, ни паспорта с собой нет. Ничего не успела взять. Он уверен, что я домой все равно вернусь: пойти-то некуда.

– А ты не ходи. Хочешь, прогуляемся до твоего дома. Заберешь все и ко мне вернемся. За девочек не волнуйся. Мы долго ходить не будем.

– Хорошо, – согласилась Алина, но как-то неуверенно. – Я Настю предупрежу, что мы скоро придем.

– Не трогай девочку! Пусть спит. Она и не узнает, что мы уходили.

Ирина Ивановна дала Алине футболку и старые джинсы дочери. Нашлась куртка и обувь по размеру. Женщины тихонько вышли из подъезда.

На улице дул холодный ветер и накрапывал дождь. Они шли, пригнув головы. Разговаривать не хотелось. Чем ближе подходили к дому Алины, тем хуже она себя чувствовала. Хоть и хорохорилась перед Ириной Ивановной, но мужа боялась. Неизвестно, что он сейчас делает. Может, уже напился, растравил себя гневом, и ждет ее у двери, чтобы поставить на место за позор, который пришлось пережить, пока ее по соседям разыскивал.

Женщины остановились под козырьком подъезда, боясь двинуться дальше.

– Как будем действовать? – тихо спросила Ирина Ивановна. – Может, зря мы одни пошли? Надо было Стасика подождать, пока с работы вернется. Вот бабы-дуры! Все себе приключения на задницу ищем!

– У меня ключей нет. Я не смогу завтра домой попасть. Придется квартиру взламывать.

– Вот девка, – покачала укоризненно головой Ирина Ивановна, – о чем ты сейчас думаешь? Если ты хочешь от мужика сбежать, надо чем-то пожертвовать. В конце концов, можно слесаря из домоуправления вызвать, он новый замок и вставит.

– Давайте так. Я посмотрю сначала, горит ли свет в квартире. Если не горит, будить не будем. Вернемся тогда завтра.

Они спустились с крыльца, обошли вокруг здания и остановились напротив. Дом засыпал. Желтые квадраты горели в нескольких местах, остальное уже погрузилось во тьму. На третьем этаже светилась полоска из трех окон.

– Это твои, что ли?

– Да. Значит, муж не спит.

– Вон, видишь, на балконе кто-то сидит, курит. Он?

– Где? – охнула Алина и присела.

От резкого движения она потеряла равновесие и больно приземлилась на попу прямо в мокрые листья. Паника в груди росла, расширялась и скоро готова была добраться до сознания. Женщина, не отрываясь, смотрела на родные окна. Действительно, кто-то курил на их балконе. Вот он встал, выбросил вниз окурок и закрыл створку окна. Алина молча наблюдала за красным огоньком, пикирующим на землю. Казалось, она забыла, как надо дышать.

– Ну, что ты так перепугалась? – раздался над головой мягкий голос спутницы. – Ты не одна. Он не нападет на постороннего человека, не бойся. Сама говорила: твой муж дорожит своей работой. Не совсем безбашенный.

– Хорошо, – встала Алина и отряхнулась. Джинсы промокли, но это было неважно. – Я иду первая, звоню в дверь. Если он открывает в нормальном состоянии, беру ключи, одежду и возвращаюсь к вам. Вы пока не показывайтесь, держитесь в тени.

– А если встретит плохо?

– Тогда вы звоните в полицию. Будем вместе спасаться. И еще запишите наш разговор.

Эта идея пришла в голову внезапно. Для судебного разбирательства о домашнем насилии одних фотографий будет мало. Нужно собрать больше фактов, чтобы дебошира наказали по закону. Свидетелей насилия нет. Громкоголосый муж бил ее тихо, только кряхтел от удовольствия, нанося очередной удар. Алина тоже не кричала: знала, будет только хуже. Настя прятала Катю в дальней комнате. Девочки забирались под кровать и сидели, прижавшись друг к другу.

Соседи если что-то и слышали, то Виктор легко объяснял шум громким звуком телевизора. А синяки Алина закрашивала, да и все знали, что Катя могла в любой момент укунить мать или сестру, стукнуть игрушкой, поэтому не удивлялись, когда видели на лице у Алины тональный крем. Идеальное насилие! Придаться не к чему.

Женщины поднялись по лестнице на третий этаж. Алина чувствовала, как сердце колотится где-то у горла. Пока перебирала ногами ступеньки, казалось, что задохнется. Они остановились у двери, переглянулись, но стучать не решались. Пальцы дрожали, когда Алина нажала на звонок.

Дверь распахнулась, как будто муж сидел в коридоре.

– Явилась? – резко спросил он. – Где ты столько времени шлялась? Дети голодные, а матери все по хрен!

– Если бы не начал скандал, мы бы спокойно поужинали и легли спать, – тихо ответила Алина. Я снова ссориться не хочу. Дай мне ключи, и я уйду.

– Куда? И вообще, это что за шмотки ты на себя нацепила?

От мужа тянуло перегаром, но на ногах он держался еще прочно. Они так и стояли в распахнутых дверях, где за створкой в полумраке коридора слушала их разговор Ирина Ивановна. Она осторожно открыла телефон и, подслеповато шурясь, пыталась найти диктофон.

– Ты с кем пришла? – услышала она грубый голос.

Дворничиха подняла глаза и наткнулась на бешеный взгляд высокого мужчины. Он выдернул у растерявшейся женщины телефон, схватил Алину за руку и толкнул ее внутрь квартиры. Ирина Ивановна и опомниться не успела, как осталась одна, а в ушах стоял звон от громко хлопнувшей двери.

Глава 4

Брак от слова «брак»

– Ты что делаешь? – внешне спокойно спросила Алина, а у самой все внутри дрожало от страха. Она шагнула в сторону комнаты: в тесной прихожей ее сразу охватила паника. В голове раненой птицей билась мысль: «Бежать! Спасаться!»

– Разбираюсь со своей непослушной женой, – хохотнул развязно Виктор. – А что, не нравится? Имею полное право! Я тебя кормлю, пою, одеваю. А в ответ? Что получаю в ответ?

Эти слова прозвучали уже громче. Чувствовалось, что Виктор накручивает, заводит себя. Алина проскользнула в зал, чтобы держаться подальше от неадекватного мужа. А он, видя страх и растерянность жены, играл с ней, как кошка с мышкой.

– Витя, пожалуйста, я не хочу ссориться, – умоляла она, лихорадочно выискивая путь к спасению.

– Я тоже за мир и дружбу между народами, – продолжал веселиться супруг, наступая на неё и оттесняя в глубину комнаты. – Кто эта бабка? Где ты ее нашла? Куда спрятала детей?

– Это просто знакомая. Она помогла нам с девочками. Можно я возьму ключи и пойду? Пожалуйста! – Алина едва сдерживала слезы. Больше мне ничего не надо. Я вернусь завтра, и мы поговорим.

Громкий стук в дверь не дал мужу ответить. Он бросился к глазку, посмотрел, потом повернулся к Алине. Выражение его лица заставило ее на секунду оцепенеть. Так смотрит удав на кролика: когда планирует его съесть. Она невольно сделала еще один шаг назад, не отрывая взгляда от красных глаз мужа, и наткнулась на стул, который с грохотом опрокинулся. Алина потеряла равновесие и ударилась бедром об угол письменного стола. Руки лихорадочно искали любой предмет, который сможет ее защитить. Пальцы нащупали ручку. Слабая защита, но лучше, чем совсем ничего.

– Скажи наглрой бабке, чтобы ушла и не колотила в дверь. Иначе я за себя не отвечаю! Это наши семейные дела, пусть не лезет.

– Хорошо. Тогда пропусти меня к двери.

– Кричи с того места, где стоишь.

– Не боишься, что соседи услышат? – Алина препиралась с мужем, а у самой голос дрожал, руки тряслись так, что вот-вот готовы были выронить ручку.

Стук в дверь не прекращался. Казалось, что Ирина Ивановна пустила в ход ноги.

– Дай мне ключи и выпусти из квартиры, – по-прежнему тихо попросила Алина. – Мы уйдем сразу, и больше я постараюсь тебе на глаза не попадаться.

– Не понял? Ты куда собралась? – Виктор забыл про стук, к которому уже присоединились и крики дворничихи.

– Я хочу развестись, – прошептала Алина и осторожно стала двигаться вдоль стены комнаты, чтобы обогнуть наступавшего на нее мужа.

– Ишь, чего надумала! – улыбнулся он, но злобная улыбка была больше похожа на звериный оскал. Алине казалось, что еще секунда и эти желтоватые крупные зубы выпьются в ее горло. Она невольно сгорбилась и сильнее сжала ручку. – А как же церковный завет: «И в горе, и в радости... до самой смерти?»

Ужас охватил Алину. Она взвизгнула и бросилась бежать. Муж за ней. Но скрыться в трехкомнатной квартире негде, а до ванной Алина не успела добраться. Виктор перехватил ее у самой двери, развернул и прижал к стене.

– Попалась, беглянка!

Он приблизился вплотную и теперь возвышался над ней, как гора. Алина почувствовала, что задыхается. Она присела и хотела проскользнуть под рукой мужа, но не тут-то было. Он дернул жену за волосы так резко и сильно, что кожа натянулась, а Алина тоненько запищала, и прижал ее голову к стене. Другой рукой схватил ее за горло, чтобы она не могла пошевелиться, и впился в ее рот губами.

Она уперлась руками в его грудь и с силой толкнула. Но муж крепко стоял на ногах, даже не покачнувшись. Влажный слюнявый поцелуй и запах алкоголя вызвали тошноту. Чувствуя, что теряет сознание, Алина изо всех сил ударила мужа ручкой.

– Сука! Ты что делаешь? – закричал разъяренный мужик, но хватку ослабил.

Разбираться, куда она попала, Алина не стала. Она добила его коленом в пах и бросилась к дверям. Искать ключи от квартиры было некогда. Она просто сорвала с вешалки сумочку и куртку, в которой ходила с детьми гулять, и выскочила на лестничную клетку. Потом вернулась и схватила телефон, лежащий в прихожей на полке.

У двери стояли какие-то люди. Они о чем-то спрашивали, но Алина пробежала мимо и выскочила на улицу. Одним шагом слетела с крыльца дома, промчалась вперед по инерции, потом остановилась: ноги отказали. Прижалась спиной к дереву у обочины и закрыла глаза, чтобы отдышаться. Только здесь свежий воздух и дождь привел ее в чувство. Она наклонилась и выплеснула вместе с рвотой напряжение последних минут.

– Так, девонька, так, милая, – услышала Алина издалека, будто сквозь вату, грубоватый голос Ирины Ивановны. – Постой еще чуток. Легче будет. Он дома остался. Хорошо ты ему вмазала!

Теплая рука доброй женщины гладила ее по голове, и от этой случайной ласки в груди что-то взорвалось. Алина ткнулась носом в плечо дворничихи и разрыдалась.

– Пошли ко мне, – взяла ее под руку Ирина Ивановна.

– А ключи, паспорт? Я ничего не успела взять, – вяло сопротивлялась Алина. Она уже отдышалась, немного успокоилась и могла рассуждать здраво.

– А бес с ними! Завтра придем со слесарем, у меня есть знакомый, откроем квартирку, и все вещички возьмешь, какие захочешь.

– Но мне пойти некуда.

– И этот вопрос завтра решим. Уже ночь на дворе. И тебе, и мне отдых нужен. Пошли, примем по стопочке и спать ляжем.

– Я не пью, – прошептала Алина, но последовала за дворничихой.

– Стопка коньяка – это не выпивка, это лекарство для сна, – назидательно подняла палец Ирина Ивановна, и Алина улыбнулась. – Но коньяка у меня нет, так что, дорогая, заменим его водочкой. Пойдет?

Алина кивнула. Они быстро прошли дворами к дому дворничихи. Алина с трудом подавляла желание оглянуться. Разумом понимала, что Виктор не побежит следом, но страх был сильнее.

Через пять минут они опять сидели на уютной кухне. Ирина Ивановна, как и обещала, достала бутылку водки. Пока Алина умывалась, проверяла детей, пожилая женщина разогрела картошку с мясом, которая осталась от ужина, нарезала огурчики.

– Настоящий русский выпивон! – с гордостью она повела рукой над столом. – Ну, с богом! За нас, за баб, счастливых и несчастных!

Они выпили. Алкоголь огненной рекой прокатился по жилам, растекся теплом сначала в животе, а потом заполнил грудь. Алина открыла рот и часто задыхалась, из глаз покатились слезы.

– Ты его хлебушком занюхай и огурчиком закуси. Быстрее, быстрее! – суежилась вокруг нее Ирина Ивановна. – И правда, пить не умеешь. Хотя все верно! Когда мужик – любитель заложить за воротник, хорошая жена бдит, чтобы не натворил чего.

Но Алина ее почти не слушала. Она накинулась на еду, потому что вдруг поняла, что смертельно голодна. После второй стопки в душе наступил покой. Дневные проблемы отодвинулись на второй план, потускнели, стали казаться не такими страшными.

– Ирина Ивановна, а что за люди в подъезде были? – наконец собралась с силами и спросила Алина.

– Так это я постаралась. Когда твой муж захлопнул дверь, я сначала не хотела поднимать шум, стучала тихонько. Потом слышу, упало что-то...

– Это я на стул опрокинула.

– Во-во. Значит, услышала я грохот, и побежала соседям звонить. Испугалась, вдруг он тебя там убивает. Ой, а телефон мой где? – Ирина Ивановна растерянно посмотрела на Алину.

– Не волнуйтесь, я его принесла. – Алина, слегка пошатываясь от выпитой водки и пережитого стресса, принесла вещи, которые захватила из дома.

Она отдала Ирине Ивановне телефон и стала рассматривать содержимое сумочки. В ней лежал кошелек, в котором были наличные и кредитная карта. Слава Богу! На первое время денег хватит! А в боковом кармашке – паспорт. Алина вытащила его и растерянно разглядывала, будто видела впервые.

– О, а говорила, что не нашла документы, – обрадовалась Ирина Ивановна, – вот за это и надо выпить, – она быстро налила третью стопочку, а когда Алина протянула свою, остановила ее властной рукой. – Третью пьют за тех, кого с нами уже нет, чокаться нельзя.

– Мой муж тоже так говорил, но это их, лётная традиция, а вы откуда знаете?

– У меня муж тоже военный, в авиации служил. Только он наземным техником работал. Умер рано от сердечного приступа, вот и пришлось детей одной поднимать.

– Странно, почему жена военного двory подметает? – удивилась Алина.

– Ничего тут странного нет. Потом как-нибудь расскажу. Жизнь, она такая, никогда не знаешь, как сложится. А ты на себя посмотри, после замужества долго ещё работала?

– Совсем не работала. Виктор сразу заставил из больницы уйти, как только Настей забеременела.

– А теперь прикинь, как ты на жизнь зарабатывать будешь без мужа? Думаешь, тебя назад в больницу возьмут? Не надейся. За эти годы ты профессию потеряла. Чтобы ее восстановить, придётся на курсы ходить, экзамены сдавать. Ладно, не думай пока об этом. Завтра решим, что дальше делать. Ты лучше скажи, как ты от мужа сбежала. Чем его так ударила, что он тебя отпустил.

– Ручкой, шариковой. А потом ещё и коленом в пах заехала, – ответила неуверенно Алина. Теперь, успокоившись, она уже жалела, что была так жестока. – Только я не знаю, куда попала. Била наугад. Во что-то мягкое, кажется.

– Ну, да. Ты убежала и не видела, как он кричал.

– Господи, я его тяжело ранила? – испуганно вскрикнула Алина. Она смотрела круглыми глазами на Ирину Ивановну и готова была сорваться и бежать домой.

– Ага! Ручкой убила! Не смей ты меня! – взмахнула руками хозяйка. – Одно скажу, кровь не бежала ручьем, но на футболке сбоку краснело пятно размером с ... – Ирина Ивановна огляделась, выискивая, на что было похоже пятно, и подняла рюмку. – О, с доньшко от стопки. Твой благоверный больше корчился от удара по яйцам. Так ему и надо! Получил по заслугам.

– Зачем вы так, Ирина Ивановна? – обиделась Алина. – Я не хотела его бить, не люблю насилия ни в каком виде! Случайно получилось, а теперь места себе не нахожу. Вдруг из-за меня у него проблемы по работе начнутся!

– Ладно, что губы надула? Не сердись! Я тоже не кровожадная тетка. Жизнь заставила искать во всем подвох. Расскажи лучше, что у тебя дальше в жизни было, не обижайся. Я просто не могу смотреть, как вы, дамочки, жизнь губите из-за каких-то сомнительных соображений. Ну, полетит он с работы. И что? Нечего руки распускать!

– Нас спасла его командировка на юг, – вздохнув, ответила Алина, принимая правоту доброй дворничихи. – Там какие-то события нехорошие стали происходить, вот и отправили самолет на поддержку. Грешным делом я молилась, чтобы он не вернулся, но понимала: бесполезно. Он хвастался, что транспортная авиация в боевых действиях не участвует.

Виктор отсутствовал три месяца. Все это время слал письма с угрозами, что выкинет меня из дома, если не соглашусь на искусственные роды и не избавлюсь от ребенка. Когда он прилетел, Катя уже родилась. Внешне – точная его копия. Я русая, и Настенька в меня пошла, а Катюшка черненькая, смуглая, как вороненок. Виктор говорил, что у него в роду цыганская кровь есть. Лежит в кроватке, темными глазками так и стреляет, – Алина невольно улыбнулась, вспомнив малышку-дочь.

– А муж что?

– Он как увидел ее, так и растаял. Я подумала, что теперь жизнь наладится. Первое время так и было, пока Катя не подросла. А с возрастом стали проявляться у нее агрессивные наклонности. И в развитии отставала: плохо ходила, говорить начала только в четыре года. Я иногда наблюдала за ней и понимала, что у моей малышки хорошо развиты только животные инстинкты: добыть еду, поспать, защитить себя – в этом Кате нет равных. Боюсь, с периодом созревания присоединится еще один бесконтрольный инстинкт – половой. Из всех сил пытаюсь ее социализировать, но ничего не получается. Сами видели. Насте первое время здорово доставалось, а теперь она, молодец, научилась ловко с сестрой справляться.

– А Виктор как к Кате относится?

– Он ее любит. У них же повадки одинаковые, волчьи. Один раз едем в машине. На светофоре остановились, а рядом полицейский уазик притормозил. Катя открыла окно и начала матом водителя покрывать.

Главное, я не знаю, где она этих слов набралась. Я никогда не ругалась, Виктор тоже при детях речь контролировал.

Вот сцена была ужасная! Мужик растерялся, я дочь от окна оттаскиваю, она визжит. Вцепилась ручонками в край стекла и ногами меня пинает. А муж хохочет. Подмигнул Кате и говорит: «Умница дочка! Так и надо мусору поганому!» Вот такая у нас система воспитания.

– Гад, он твой Виктор. Ладно, дорогая. Давай спать ложиться. Девочек оставь на моей кровати, а мы с тобой в комнате на диване постелем. Не возражаешь?

– Спасибо вам! – Алина встала и обняла новую знакомую. – Чтобы я без вас делала? – ее лицо сморщилось, уголки губ поехали вниз: вот-вот заплачет.

– Ну-ну, хватит нюни распускать! Завтра будем проблемы решать, а сейчас спать!

Но фатальная судьба не желала пока оставлять свою жертву. Новый день принес новые неприятности.

Глава 5

Деревня Ангелов

– А-а-а! – на одной ноте кричала женщина.

И от этого крика мороз побежал по коже у пьяного мужичка. Он вечером прилег отдохнуть на скамейке на набережной бурной речки и не заметил, как задремал. Сердце заколотилось по ребрам, как скачет горный козел по скалам, остатки алкоголя мгновенно улетучились. Мужичок открыл глаза, не понимая, где находится.

– А-а-а! – тишину ночи разорвал новый крик.

Мужичок быстро перекрестился, сполз со скамейки и уже хотел потихоньку скрыться, пока полиция не заметила, но услышал топот бегущих ног и спрятался в кусты.

– Мама! Спаси меня! – женский голос вибрировал, срывался на фальцет, а потом заходился истеричным плачем.

– Держи ее, суку! Кто-нибудь, заткните ее наконец! – услышал мужичок бас преследователя и почти рядом с собой почувствовал движение веток.

Он задрожал. Зубы громко застучали. Мужчина испугался, что его обнаружат, и на четвереньках попятился в глубь ракутника. Он крепко зажмурил глаза и замер. Через минуту он услышал визг, будто безродной собачонке наступили на хвост, звуки борьбы. Потом удар..., еще один. Крик захлебнулся, и наступила тишина. Что-то тяжелое протащили по дорожке мимо мужичка. Потом звуки пропали. Ветер издалека донес хлопок закрывающейся дверцы машины, и вот уже ничто не нарушало ночной покой.

– Dios mio! Dios mio! – бормотал мужичок и испуганно крестился.

Он еще полежал с полчаса, потом тихонько выбрался из кустов, огляделся и дворами побежал домой. Утром так и не понял: кошмар ему приснился, или это произошло на самом деле. Но на всякий случай решил пока о ночном происшествии никому не рассказывать.

* * *

Карлос не спеша подходил к своим владениям. Рядом, держась за ручку чемодана, бежал Антонио. Они свернули на узкую улочку, покрытую средневековым булыжником, по которому так громко стучали колеса, и сразу впереди увидел родной отель. На крохотных балкончиках стояли большие горшки с летними цветами. Вьющийся зеленый плющ покрывал свободную поверхность стен. Лучи солнца с трудом проникали сквозь мрачные узкие переулки и освещали это семицветие веселыми бликами. Издалека казалось, что дом плывет в радужном облаке.

– Hola, Karlos! (Привет, Карлос) – услышал он знакомый голос.

Обернулся: на летней веранде местной булочной, мимо которой он только что прошел, за столиком сидел с другом дядюшка Эмилио. Старик потягивал из стеклянного стаканчика кофе кортадо, насыщенного сливочно-кремового цвета, и его седая голова покачивалась в такт словам собеседника.

– Hola, tio Emilio! Que tal? (Привет, дядя Эмилио. Как дела?)

– Muy bien, muy bien! Y a ti? (Очень хорошо. А как у тебя?)

– Karlos! Hijo! (Карлос, сынок!)

Обмен любезностями закончился, и мужчины дружно повернулись на голос. С крыльца, быстро перебирая ногами, спускалась хрупкая, маленькая женщина в черном платье. «Как мама постарела!» – подумал гость.

Она бросилась обнимать Карлоса и целовать Антонио, который испугался яростного натиска бабушки и спрятался на спину отца.

– Наконец-то вы приехали! Я думала, что никогда не увижу внука. А где Мадлен?
– Мама, потом поговорим, пойдем в отель.
– Ремей, дай сыну умыться с дороги! – прикрикнул на старую женщину дядя Эмилио, или Милен, как все его звали в деревне. – Что ты на него налетела?
– Ой, и правда! – засуетилась мать. – Антонио, ты рыбку любишь? Я готовлю ее так вкусно, что пальчики оближешь, с шампиньонами и сыром.
– Не люблю, – буркнул мальчик, выглянул на секунду из-за ноги отца и снова спрятался.
– Как не любишь? – расстроилась женщина.
Уголки губ поехали вниз, улыбка исчезла.
– Мама, он будет есть все, что ты приготовишь, – ласково обнял Ремей Карлос и слегка подтолкнул к входу в отель. Любопытные соседи по одному выходили из булочной, чтобы потом обсудить свежие новости за чашечкой кофе. Будничная жизнь обычного испанского поселения в три с половиной тысячи жителей.

* * *

Этот горный отель достался Карлосу в наследство от отца, а тому от его деда, а деду от прадеда...

В местечке, освоенном еще в пятнадцатом веке, жизнь будто остановилась. Узкие улочки, где руками можно достать стены домов, стоявших друг напротив друга, петляли по плану средневекового архитектора. Они иногда широкими ступеньками бежали с горы, но чаще заводили случайного путника в каменные лабиринты и тупики, где даже в летний зной было прохладно.

Мороз бежал по коже, когда заблудившийся турист попадал в каменный мешок. Отовсюду веяло духом старины. Страшно было прикоснуться к холодным стенам. Казалось, что эти дома переживут еще не одного хозяина. Они верно служили людям и передавались из поколения в поколение.

Но цивилизация добралась и до этого уголка земли. То там, то тут в глубине арок за толстыми прутьями ворот прятались роскошные машины и мотоциклы. Из узких стрельчатых окон доносились звуки современной музыки и взрывной смех молодежи. А в просвете домов был виден золотистый купол новенького католического храма.

Сюда приезжали испанские и иностранные туристы, чтобы отдохнуть от суетной жизни в больших городах.

Зимой их привлекал горнолыжный курорт, а летом – термальные источники и прогулки по горам. Здесь между скалами синели глаза озер с такой прозрачной водой, что с плотин, пересекавших их, были хорошо видны бурые полосы, стремительно мелькавшие по дну. Это резвилась красная форель. С гор с шумом срывались потоки водопадов, а по дороге, выходящей серпантинном по горам, на машине жители легко попадали в соседнюю Францию, чтобы полакомиться восхитительными пирожными.

А еще гостей притягивали праздники старой Каталонии. И говорили здесь больше по-каталонски, хотя с детства знали два языка.

В этом заповедном месте с красивым названием Puebla de los Angeles, Деревня Ангелов, Карлос провел детские и юношеские годы, сюда же вернулся после окончания университета. Правда, когда женился на Мадлен, уехал в Барселону. Молодая жена не захотела остаться в горах. Она не могла жить без шумных проспектов, больших брендовых магазинов и ночных развлечений курортного города. И никакие уговоры родственников и мужа не заставили черноглазую красавицу уехать в глушь, пусть даже и ангельскую.

– Ты уже подумал, в каком доме остановишься? – поинтересовалась у сына Ремей, пока они шли через холл к ресепшн.

– Я хочу поселиться в номере на верхнем этаже, – ответил Карлос.

– В том, где окно выходит на крышу?

– Да. Оттуда хорошо видна и деревня, и горы. Нужно, чтобы Антонио проникся этой красотой, понял, почему меня так всегда тянуло в родные места.

– Но Мадлен захочет иметь свое жилище, – настаивала мать. – Возьми дом бабушки, там как раз заканчивается аренда у постояльцев. Или нет. Лучше тети, в нем три этажа. На одном устроим детский блок, на другом поселитесь вы с Мадлен, а внизу будет столовая и кухня.

– Мама, давай об этом поговорим позже. Антонио устал, – остановил поток слов Карлос. Не хотел он пока рассказывать матери, почему приехал один, и ворошить недавний семейный скандал. Неприятности должны отстояться, как доброе вино, может, тогда найдется верное решение, как разрулить накапливавшийся годами конфликт с женой.

Карлос взял ключ, поднялся с сыном на лифте на четвертый этаж, где в самом углу коридора находился любимый номер-люкс. Ремей осталась внизу, чтобы накрыть стол блудному сыну и внуку.

* * *

Вот уже месяц Карлос живет в Деревне Ангелов. Он занялся управлением отеля, но Ремей никак не желала слагать с себя обязанности. Чтобы не спорить с матерью, Карлос оставил в ее ведение кухню. То и дело слышался ее громкий голос, отдававший команды повару и официанту – единственным ее подчиненным.

– Ты почему сковороду ставишь на сильный огонь? Хочешь мясо высушить или сжечь? – злилась она на украинку Соню.

Та весело закатывала глаза и недовольно лопотала по-своему, но приказы выполняла исправно. Все служащие отеля знали, что лучше с Ремей не связываться. Можно и по голове полотенцем получить. Взрывной характер и тяжелая жизнь после смерти мужа, когда ей пришлось взвалить на плечи управление огромным хозяйством, сделали ее суровой и властной женщиной. Карлос иногда думал, что испанка-жена не хочет жить в горах, потому что понимает: не сладит со старой и деспотичной каталонкой.

В отеле было тридцать шесть номеров, расположенных на четырех этажах и оборудованных не хуже, чем в приморских городах, бар и ресторан. К постояльцам сотрудники относились трепетно и очень гордились тем, что в некоторых семьях погостить и отдохнуть приезжает уже третье поколение.

Каждое утро Карлос вставал по давней привычке рано. Выходил на пробежку, и легко делал круг по горным тропинкам. Пересеченная местность хорошо укрепляла икры ног. Затем он возвращался в отель и в маленьком тренажерном зале полчаса выполнял упражнения. Мускулистое тело бывшего спортсмена – в юности Карлос занимался восточными единоборствами – получало нужную нагрузку, которая давала заряд на весь день и не позволяла расслабляться.

Затем контрастный душ – и смуглый тридцатидвухлетний мужчина готов к новому трудовому дню.

– Что-то я совсем зарос, – погладил щетину на подбородке Карлос, посмотрев на себя в зеркало в ванной. – Мадлен скажет, что запустил себя, – горько усмехнулся он и взял в руки электрическую бритву.

После того как он привел себя в порядок и позавтракал, наступил черед ежедневного обхода отеля. Карлос проверял коммуникации, смотрел, насколько подготовлены номера к новым гостям. В здании не было ни одного свободного помещения: каждый метр тщательно спланирован и рационально занят.

Чердака у здания не было. Лучшие номера располагались под крышей. Они имели в потолке окно, с которого открывался чудесный вид на горы и Деревню Ангелов. Постояльцы ценили эти номера, поэтому на них всегда был спрос.

Подвал давно приспособили под прачечную, где неустанно трудились стиральные и гладильные машины. Руки горничных, складывавшие полотенца и простыни, так и летали в этом мануфактурном царстве. То и дело слышался звонкий смех и чужая речь: в отеле трудились эмигрантки с Востока. Такую традицию завел отец Карлоса. Эти женщины неприхотливы и готовы работать за меньшую сумму, чем испанки. Они жили при отеле, учили разговорный язык и, кажется, были абсолютно счастливы.

Далее по коридору находились складские помещения, где ждали своего часа новые кресла и диваны, лампы, телевизоры и сантехника. Эти запасы создал еще отец. Ремей после его смерти оставила все, как есть, даже толком даже не знала, что хранится в подвале. Карлос подозревал, что многое из техники уже устарело.

Он планировал навести порядок на складе, но руки не доходили. Много сил и времени отнимала документация: Карлос, имея экономическое образование, сам занимался бухгалтерией, рекламой, работал с бронированием мест.

* * *

Сегодня как раз пришел то день X, когда хозяин решил ревизовать склады. Он вошел в большое помещение, которое освещалось только светом ламп. Несколько небольших окон, пятьдесят на пятьдесят, расположились у самого потолка, но помещение было настолько заставлено крупными и высокими вещами, что ни свет улицы, ни ее звуки почти не проникали сюда.

Карлос первым делом нашел стол и стул, освободил их от упаковки и пристроил у стены. Подключил настольную лампу и ноутбук.

– Так, рабочее место готово, – разговаривал он вслух, чтобы гнетущая тишина так не давила на уши.

Он принес сюда термос с кофе, бутерброды и настроился хорошо потрудиться. Антонио в садике, его заберет Ремей, накормит и присмотрит. Сын, кажется, уже здесь вполне освоился, даже завел новых друзей. Но бабушка, как коршун, охраняла драгоценного внука, единственного пока наследника семьи Гомес, и не давала ему ступить и шагу без ее недремлющего ока.

Она сердилась на Карлоса, который отказывался делиться с ней личными проблемами, но была очень рада, что сын наконец занимается семейным бизнесом и старательно давала ему ценные советы. Правда чаще мешала, чем помогала, но каждый раз Карлос терпеливо ее выслушивал и отправлял на кухню. Только веселая Соня легко выдерживала сложный характер хозяйки.

– Сынок, зачем тебе пыль собирать в подвале? Он уже лет пятнадцать не открывался, – возмущалась Ремей.

– Вот я его проверю и почищу, – успокаивал Карлос мать и тихонько подталкивал ее к выходу. – Ты, иди, приготовь что-нибудь на ужин и пошли ко мне Соню с подносом.

– А зачем тебе Соня? – насторожилась мать. Пышнотелая хохотушка украинка нравилась многим мужчинам в деревне.

– Она мне принесет ужин, и все. Мама, иди, не мешай мне!

– А что тебе приготовить? – не отставала мать.

– Стейк средней прожарки и картошку фри, – быстро проговорил Карлос, чтобы только отвязаться от настойчивой Ремей. Как он теперь понимал Мадлен! «Эту женщину ни одна невестка не выдержит!»

Наконец его оставили в покое, и он занялся задуманным делом. Время пролетело быстро. Карлос рассматривал упаковки, некоторые вскрывал, передвигал мебель и заносил результаты в ноутбук. Часть он планировал продать подешевле другим отелям, часть отправить в дом престарелых, а часть просто выбросить: старые громоздкие телевизоры уже никому не нужны.

Он не знал только, что делать с мебелью древнего дизайна. Все эти диваны и кресла, обитые пестрой тканью и пропитанные пылью, столики и тумбочки с ободранными краями представляли настоящую головную боль.

Когда Карлос добрался до стены, которая выходила во внутренний двор соседних домов, уже наступила ночь.

– Все! На сегодня хватит, – потянулся довольный проделанной работой мужчина

Звуки улицы стали слышаться яснее. Вдруг раздался хлопок, как будто кто-то под окном открыл бутылку шампанского, а потом что-то тяжело упало на землю. Мужской голос грубо выругался. Карлос насторожился. Он поднял голову к окну, но снизу ничего не увидел. Тогда он придвинул письменный стол, на него поставил стул и, держась рукой за шкаф, забрался на это шаткое сооружение.

Из окна хорошо был виден соседний средневековый двор – колодец. С трех сторон его окружали старинные стены, в толще одной виднелся проезд, закрытый железной решеткой. Что происходило за каменной кладкой, не знал никто из жителей деревни. А четвертая, глухая стена, имевшая только маленькие подвальные окна, принадлежала отелю Гомесов.

Когда-то этим домом тоже владела семья Карлоса, но отец продал здание другу детства, а когда тот умер, родственники не захотели жить в горах и переехали в Мадрид. Так в доме теперь поселились неизвестные люди.

Ремей говорила, что ей совершенно не нравилось это соседство. Там постоянно приезжали и уезжали черные машины, ходили мужчины мрачного вида. И хотя они вежливо здоровались с жителями деревни, когда заходили в магазин или кафе, от них веяло такой опасностью, что люди мгновенно замолкали при приближении незнакомцев и настороженно провожали их взглядами.

Дядя Милен однажды рассказал, что эти черные машины видели на горнолыжном курорте, расположенном с десяти километрах от Деревни Ангелов. Но Карлос не очень верил любопытному старику. Это больше походило на слухи, чем на правду.

Он еще раз окинул взглядом двор. Нет, ничего страшного там не происходило. Ему показалось. У подъезда стояла черная машина. Какие-то люди выгружали из багажника ящики со спиртным. Мирный ночной пейзаж.

Карлос пожал плечами и начал спускаться. Он уже слез со стула, как ему показалось, будто что-то мелькнуло мимо окна. Мужчина постоял секунду, раздумывая, подбираться к окошку еще раз или нет, вздохнул и стал карабкаться на стул. Вот он осторожно выпрямился, поднял веки и вздрогнул: прямо на него, не мигая, смотрели черные влажные глаза.

Карлос вскрикнул, потерял равновесие и упал...

Глава 6

Новые испытания

Утро встретило мрачным небом и противным морозящим дождем. Алина сложила постельное белье, собрала раздвинутый диван и подошла к окну, которое выходило на дорогу, чтобы раскрыть шторы. Погода была под стать ее настроению. Что делать? Куда пойти? Можно, конечно, рискнуть и позвонить маме. Хотя лучше не звонить, а сразу приехать и поставить перед фактом. Ну, не выгонит же она родную дочь и внучек! Выгнать не выгонит, тут же услужливо подсказала память, но постарается снова свести с Виктором. По ее мнению, хорошие мужики с достойным заработком на дороге не валяются.

Алина даже как-то намекнула маме, что бабушка ей предсказывала совсем другую судьбу. Но та отмахнулась. Посчитала, что дочь зажалась и капризничает не в меру.

Беглянка вздохнула, прижалась лбом к мутному стеклу и стала наблюдать за прохожими. Люди семенили по асфальту, опутив головы, лишь бы скорее спрятаться под крышу. Проносившиеся машины поднимали водопады брызг, норовя окатить зазевавшегося человека. Наохлившиеся воробьи сидели на ветках соседнего тополя. Безрадостная картина. Она тоже чувствовала себя таким воробьем, безродным и никому не нужным.

Алина постояла пять минут и пошла в спальню к девочкам. Нужно разбудить их, пока Ирина Ивановна возилась на кухне, готовя гостям завтрак.

– Сони-засони, вставайте. Пора умываться, день на дворе, – ласково ворковала она, поглаживая малышей по спинкам.

Настенька проснулась сразу, потянулась и побежала в ванную, а вот Катя закапризничала. Она вообще не любила, когда ее тревожили: все в жизни должно проходить только по ее капризу. Но, увидев Мурзика, неосторожно заглянувшего в комнату, девочка сорвалась и с криками бросилась на него. Бедный кот по шторе забрался на платяной шкаф и шипел оттуда, сверкая зелеными глазами. Катя уцепилась за плотную портьеру и, упираясь ногами в стену, тоже начала карабкаться на шкаф.

Настя и Алина смотрели на бесновашуюся Катю и молчали. Уговаривать, умолять – бесполезно. Алина только страховала дочь, чтобы она не сорвалась. На шум выскочила из кухни хозяйка, посмотрела на это безобразие, вздохнула и сказала:

– Завтрак на столе. А еще послушных девочек ждет вазочка с клубничным вареньем.

Эти слова привели Катю в чувство, она забыла про кота и первая уселась за стол.

– Как ловко вы переключили Катю! У меня и то не всегда так хорошо получается. – восхитилась Алина и опять выглянула в окно, которое притягивало ее, как магнит. У подъезда остановилась полицейская машина. Оттуда выбрался толстячок и застыл на минуту у дверцы, видимо разговаривая с напарником. Глухое беспокойство, еще не оформившиеся во что-то понятное и ясное, заворочалось в груди.

– Ну, что ты! Дело житейское, – в своей грубоватой манере ответила Ирина Ивановна. – Что будешь? Кофе или чай?

Ответить Алина не успела: в дверь позвонили.

– О, это Стасик пришел! – воскликнула Ирина Ивановна и бросилась открывать, а за ней двинулось и беспокойное семейство.

Хозяйка гостеприимно распахнула дверь, но улыбка сразу погасла: на пороге стоял полицейский, которого Алина только что видела из окна. Она замерла и боялась пошевелиться. Что за новая беда караулит у дверей?

– Что случилось? – нахмурилась Ирина Ивановна.

– Вы гражданка Ермакова Ирина Ивановна?

– Да, – теперь хозяйка растерялась.

– На вас поступило заявление в полицию, – ответил толстячок с пивным животиком. Он бесцеремонно прошел в комнату и сел на диван. Катя последовала за ним. Она подошла к мужчине, стукнула его кулаком в живот и весело засмеялась

– Мама, смотри, мячик.

– Женщина, смотрите за ребенком! – нахмурился толстяк.

– Ах, ты мент поганый! – пронзительно закричала Катя и кулачком стукнула полицейского прямо по пивному брюшку.

Перемена настроения девочки казалась настолько неожиданной, что мужчина оторопел и сразу не нашёл, что ответить. Он вскочил с дивана и растерянно захлопал глазами: ну, не воевать же с малолеткой! Алина, сообразив, что никакие уговоры сейчас не помогут, схватила Катю за талию и стала оттаскивать в сторону, но та яростно отбивалась ногами и царапалась. Мать оказалась сильнее и понесла извивающуюся девочку в соседнюю комнату, но не тут-то было. Катя вцепилась зубами в ладонь. Женщина вскрикнула от неожиданности и выпустила дочь.

Что тут началось! Катя, долго не раздумывая, опять бросилась к полицейскому. Теперь она колотила его кулаками и методично, как заведённая, пинала ногами. Из возбужденного горла рвался торжествующий и радостный крик:

– Мент поганый! Мусор! Вали отсюда!

Толстяк сначала неуклюже уворачивался от шумного ребенка, стараясь сохранить лицо ответственного человека при исполнении обязанностей. Но через минуту покраснел, на лбу выступила испарина, на щеках заходили желваки.

– Уберите от меня эту ненормальную! – зло прошипел он, схватил Катю под мышки и бросил, как котёнка, на диван, но не рассчитал силу. Девочка больно ударилась попой о деревянный подлокотник и зашлась плачем. Алина бросилась к ребёнку.

– Вы с ума сошли? У нас теперь полиция с детьми воюет? – закричала она, схватила Катю и стала ее качать, чтобы немного успокоить.

– Я не хотел, – оправдывался толстяк, бочком продвигаясь к выходу. Казалось, что он забыл цель визита.

– Что здесь происходит? – услышали они громкий голос и подняли головы. В пылу сражения они не заметили, что исчезла Ирина Ивановна и вернулась уже не одна.

– Стасик, посмотри, – подчеркнуто вежливо обратилась к высокому мужчине в форме подполковника Ирина Ивановна, – этот уважаемый человек говорит, что на меня написали заявление в полицию. Ничего не понимаю. Никому вреда не причиняла.

– Объяснитесь! – приказал Стасик и грозно посмотрел на съездившегося и даже будто похуевшего полицейского.

– Простите, Станислав Сергеевич, я не хотел ударить ребенка, – сказал расстроенный толстячок и посмотрел на Катю, которая уже успокоилась и сидела на диване рядом с мамой. Девочка показала ему язык.

– Мусор!

– Вот видите! Я ничего ей не сделал, а она набросилась на меня с кулаками и стала оскорблять.

– Ладно, не оправдывайся. Прямо кулаки зверские у ребенка! Рассказывай, что там за заявление. Откуда взялось?

– Стасик, проходи на кухню, – пригласила Ирина Ивановна и горделиво посмотрела на полицейского. Мол, и мы не лыком шиты, тоже хороших знакомых имеем. – Чай пить будете?

Мужчины устроились за столом. Алина включила девочкам мультики и пришла на кухню. Она стала у двери, опираясь плечом на косяк, и молча ждала начала беседы.

– Рано утром поступило заявление на гражданку Ермакову, – толстячок показал на Ирину Ивановну. – В бумаге написано, что она укрывает мать и двоих детей и не позволяет им вернуться домой. А еще вечером она ввалилась в дом Белова Виктора Васильевича вместе с женой и подстрекала ее, – полицейский посмотрел в записи, потом поднял глаза, Алину Леонидовну, к драке с мужем. Также она ночью разбудила соседей и заставила их зря волноваться.

– Слушай, что ты несешь, – вскинулась растерянно Ирина Ивановна. – Кто в здравом уме мог принять такое заявление!

Полицейский смутился.

– Ночной дежурный принял.

– Погодите! – вмешалась Алина. – Виктор Васильевич – это мой муж. А как он узнал, где я нахожусь? Да, мы вчера приходили ко мне домой. Муж избил меня, и я с девочками вынуждена была прятаться за мусорными баками. Там меня Ирина Ивановна и нашла. Она нас накормила, обогрела и спать уложила. Никто нас не удерживает. Что за чушь. Да и я не подневольная рабыня. Я свободный человек!

Алина говорила и постепенно распалялась. Она не могла прийти в себя от возмущения. Нет, каким низким человеком надо быть, чтобы обвинить бедную пожилую женщину во всех смертных грехах!

– А я вот о чем думаю, – вмешалась в разговор Ирина Ивановна. – Как этот человек нас нашел?

Женщины переглянулись. Когда они убегали от дома Алины, никто их не преследовал.

– Расскажите подробнее, что у вас случилось.

Ирина Ивановна обстоятельно поведала о вечерних проблемах. Алина только немного дополняла ее рассказ. Мужчины слушали, а толстячок даже делал пометки. Наконец она замолчала. Станислав Сергеевич откинулся на спинку стула и на секунду закрыл глаза. Только сейчас Алина поняла, что человек пришел с ночного дежурства, устал, наверняка хочет спать, а они затащили его в чужую квартиру и пытаются своими проблемами.

– Тебе, Алина, надо подать встречное заявление о домашнем насилии и сфотографировать побои, пока они свежие.

– Мы уже все сделали, – горделиво расправила плечи Ирина Ивановна.

– Вы молодцы, однако зафиксировать побои надо официально, у врача. Иначе ваши фото не имеют юридической силы.

– Значит, мы сейчас поедem в поликлинику, так?

– Ирина Ивановна, – окликнула ее Алина, – у меня нет одежды, кроме той куртки, что я прихватила вчера. И девочек не с кем оставить, – добавила она тише.

Ее смущало, что сейчас в этой маленькой кухне посторонние люди решают ее судьбу. Она чувствовала себя неуютно, потому что еще не решила, что дальше делать.

– Ах, паразит! Ну, что за сукин сын! Выгнал жену из дома и малолетними детьми и еще заявление написал! – возмущалась Ирина Ивановна.

– И все-таки, как он узнал, что я в квартире Ирины Ивановны? – вернулась к мучившему ее вопросу Алина.

– У вас телефон с собой? Если да, то он вас легко мог найти по включенному gps.

– Нет. Я телефон не успела захватить с собой, – растерялась Алина. – Да и gps я не включала, из-за него быстро садится телефон.

– Тогда это загадка, как он вас вычислил.

– Ой, – вскрикнула Алина и побежала в комнату к девочкам.

Вернулась она с детскими электронными часами, которые одновременно выполняли и функцию телефона. Эти китайские новинки появились на рынке не так давно, стоили недорого, и бдительные родители покупали их маленьким детям. Часы в отличие от телефона не терялись, так как крепко держались на запястье ребенка. В любой момент мама могла позво-

нить ненаглядному малышу и узнать, что он делает. А функция отслеживания помогала найти ребенка, если он потеряется.

– Что это? – удивленно разглядывала черный экран в розовой окантовке Ирина Ивановна.

– Это детские часы-телефон, – ответил Станислав Сергеевич. Хорошая, кстати, вещь.

По ним ваш муж и вычислил этот дом. Думаю, остальное выяснить было уже несложно.

Все помолчали, осмысливая новую информацию.

– Ваш муж, – тихо сказал полицейский, – еще принес справку от врача о причинении ему тяжких телесных повреждений.

– Каких повреждений? – испуганно охнули женщины.

– Тяжких телесных, – еще тише ответил толстячок и вобрал голову в плечи, будто испугался, что разгневанные женщины сейчас на него нападут.

– Покажи справку! – протянул руку Станислав Сергеевич.

Он минуту изучал документ, потом поднял глаза на Алину. Она сидела в полуобморочном состоянии: совершенно не помнила, куда вчера попала ручкой.

– Что вы вчера сделали своему мужу?

– Ничего. Я схватила ручку со стола, и когда он набросился на меня, воткнула ее куда-то, а потом еще коленом в пах ударила. Он закричал, а я побежала.

– Я свидетель, – решительно вмешалась Ирина Ивановна. – Я видела, как Алина убегала. Когда она распахнула двери, ее муж стоял согнувшись, но был жив и держался за бок. На футболке краснело небольшое пятно, вот и все. Никаких тяжких повреждений не наблюдалось. Час от часу не легче! А что в справке написано?

– Ранение живота, проникающее в полость брюшины без повреждения внутренних органов.

– Но ручкой это невозможно сделать! – воскликнула Ирина Ивановна. – Она не острый предмет. Можно только кожу поцарапать, да и то, если сильно постараться.

– А здесь и написано, что ранение сделано ножом, – вставил толстячок.

– Не может быть! Мы к кухне даже не подходили! – чуть не плакала Алина. Она уже сто раз пожалела, что убежала из дома и заварила всю эту кашу.

– Нож не кухонный, а канцелярский для работы с бумагой и картоном, – ответил Станислав Сергеевич. Алина, вы видели, что держали в руке?

– Нет. Я пятилась назад, бедром наткнулась на стол, стала шарить пальцами и в органайзере нащупала ручку. Ее и взяла, – Алина чувствовала, что еще немного и упадет в обморок. Одно потрясение за другим, и нет передышки, некогда вдохнуть глоток кислорода.

– Вы взяли макетный нож-скальпель. У него цельнометаллический корпус, гладкий и округлый, на ощупь похожий на ручку. Как сами не порезались!

– Точно. Мы с Настей вырезали из картона детали для игрушки. Дочке задали на уроке труда, – едва слышно пролепетала Алина. – Но я его убрала, чтобы Катя не достала.

– Видимо, нет.

– И что нам дальше делать? – всхлипнула Алина.

– Не волнуйтесь. Разберемся, – успокоил ее Станислав Сергеевич.

– Скажите, – обратилась Алина к полицейскому, что мне нужно сделать, чтобы заявлению не дали ход?

– Думаю, помириться с мужем, – ответил толстяк.

– И что, тогда вы ликвидируете заявление?

– Ну, не совсем, все же разобраться в ситуации надо, – замаялся толстяк, – я эти вопросы не решаю, – при этих словах он осторожно покосился на подполковника.

– А если я вернусь к мужу, Ирину Ивановну вы оставите в покое?

– Ты, девка, не дури! На меня не смотри. Стасик соседку в обиду не даст, тем более, что на этой бумажке изложена ерунда.

– А документ медицинский, о телесных повреждениях? Что мне за это будет? – не успокаивалась Алина.

– Разберемся, – повторил Станислав Сергеевич.

– Стасик, ты нам план действий нарисуй, ладно? И еще расскажи, как девке-мученице от козла-мужа избавиться.

– Мама! – услышала вдруг Алина голос Насти.

– Что, доченька? – испуганно посмотрела на ребенка мать, не дай-то Бог слышала что-то лишнее!

– Я нигде не могу найти Катю. Я думала она у вас сидит...

Глава 7

Чужаки

Падение завершилось переломом луча в типичном месте. Более идиотской ситуации для тренированного спортсмена и придумать нельзя.

Шаткая конструкция из стола и стула не позволила правильно сгруппироваться. Стул зашатался и поехал вбок. Карлос хотел прыгнуть, но попал на край стола, потерял равновесие и свалился на пол, да неудачно: массивное тело рухнуло на вытянутую для защиты руку и – вуаля! – гипс на предплечье.

Карлос даже порадовался, что упал ночью. Он кое-как зафиксировал сломанную руку: положил ее на узкую рейку, которую недавно оторвал от мебельной упаковки, и закрепил ремнем, орудуя только левой рукой и помогая себе подбородком. Потом осторожно сел за руль и поехал в клинику, которая принимала больных круглосуточно в соседнем городке, в двадцати километрах ниже по горе.

Утром Ремей чуть с ума не сошла, когда увидела драгоценного сыночка с гипсом на предплечье. Она засуетилась вокруг, нашла в телефоне номер знакомого доктора, и то и дело принималась плакать. Карлос, чтобы остановить поток слез, спокойно сказал:

– Мама, угомонись! Мне не больно. Не вызывай врача на дом, видишь, перелом уже зафиксировали, – Карлос потряс в воздухе повязкой. – Через три недели сформируется костная мозоль, и рука станет крепче, чем была раньше.

– Как, ну, как это произошло! Я говорила тебе, не лезь на склад. Там только пыль и мертвые мухи. Бог с ней, с этой мебелью!

Карлос молча обнял мать и поцеловал ее в черный затылок, где не виднелось ни одного седого волоска. Не мог он сказать ей что упал не случайно. Зато Антонио обрадовался, когда увидел отца с рукой наперевес. Мальчик принес фломастеры и разрисовал гипс веселыми картинками.

– Ну, вот. Хоть кому-то я доставил радость своим падением, – засмеялся Карлос.

Прошла неделя.

Карлос привык обходиться левой рукой, по-прежнему бегал по утрам и выполнял силовые упражнения, но идею расформирования склада временно отложил. Каждый вечер, засыпая, он видел перед собой эти черные, влажные, похожие на спелые сливы, глаза. Он ему что-то напоминали, поэтому он рисовал в голове картинки, представляя образ существа, смотревшего на него. Но ничего не получалось. И через неделю Карлос так и не понял, с чьим взглядом столкнулся: животного, человека или демона.

Он попросил работника принести в подвал стремянку, по вечерам забирался на нее и подолгу сидел на верхней ступеньке, разглядывая соседний двор-колодец. Ни разу больше он не заметил ни черных машин, ни людей, не слышал странных звуков. Казалось, дом необитаем.

Чтобы избавиться от видения, преследовавшего его не один день, он решил расспросить о незнакомцах старожилов Деревни Ангелов.

Карлос огляделся вокруг. Поселок постепенно погружался в вечер. Заходящее солнце уже потеряло свою яркость, стало красноватого цвета и почти спряталось в горах. Последние лучи золотили верхушки деревьев, отражались в окнах домов, спускались змейками по склонам гор. Дневной свет потускнел, и кое-где зажглись вечерние фонари.

Долго искать дядю Милена не пришлось: как всегда он с друзьями сидел на открытой веранде и потягивал кофе кортадо из стеклянного стаканчика. «Все верно, – усмехнулся Карлос, – а что еще делать старику, который, имея собственную автомастерскую, нажил немалое состояние и теперь тратит его, наслаждаясь жизнью и обсуждая свежие деревенские новости».

Два этажа большого дома дяди Эмилио закрыты от посторонних глаз. Еще мальчишкой Карлос мечтал заглянуть за запертые на ключ двери, но Ремей не позволяла сделать это.

– Милен копит там сокровища, – шептала она сыну, укладывая его спать. Истории о кладе дяди Эмилио заменяли мальчику сказки.

– А зачем? – также шепотом спрашивал он.

– Не знаю. Детей у Милена нет, оставит наследство племянникам. Богатый будешь!

– Вот еще! Пусть сам наслаждается своим богатством.

– А он и наслаждается, – отвечала мать и рассказывала очередную невероятную историю.

Взрослого Карлоса наследство дяди Милена не интересовало: со своими делами разобратся бы! Он знал, что у старика в гараже стоят раритетные машины, и он входит в клуб таких же, как он, автолюбителей со стажем.

Иногда он видел, как по горным дорогам проносился кортеж из роскошных кабриолетов тридцатых-сороковых годов двадцатого века. Это вывели на прогулку своих коней друзья Милена. И вот тут дядю невозможно было узнать. Вместо пожилого человека, который ходил, опираясь на трость, за рулем сидел водитель начала века в кожаной куртке и шлеме. Облик дополняли круглые очки, защищающие толстыми стеклами глаза. Не дядя, а антиквариат в чистом виде!

И сейчас этот антиквариат неторопливо беседовал с друзьями.

– Ола! – поздоровался Карлос, и старики выжидательно посмотрели на него. – Я хочу кое-что у вас спросить.

– Садись. Мария, кофе принеси племяннику! – крикнул Эмилио.

– Вы не знаете, кто купил тот дом? – Карлос показал рукой на здание, выглядывающее из-за стены родного отеля.

– Чужаки, – тут же ответил дядя, – приехали они сюда прошлой зимой. Чем занимаются, не знаем: они с нами не разговаривают. Видим, что появляются иногда на джипах ближе к ночи, потом, как волки, собираются в стаю, и отправляются колонной по пять-шесть машин в сторону горнолыжного курорта. Я один раз там с ними столкнулся.

– А что ты видел? Кто выходил из джипов.

– Я сидел в баре, у меня там приятель работал, умер этой весной.

– А кого ты там знаешь? – вмешался в разговор друг дяди, худощавый, сутулый старик.

– О, да ты тоже его знаешь! Помнишь, когда ты из армии пришел, мы в ущелье спускались, на пикник к озеру ездили? А там еще одна компания отдыхала, – увидев сведенные к переносице брови друга, дядя Милен сердито хлопнул ладонью по столу. – Ну, как ты не помнишь? Мы тогда с девчонками познакомились. Ты решил за одной приударить, а она с братом была. Тот на тебя и набросился с кулаками.

– А, так ты про этого...

– Совсем старый стал, маразм на подходе, – разворчался Милен. Вы друг дружке носы разбили, а девчонка та за брата вступилась. Еле вас растащили! – Я потом этого парня еще раз встретил, и еще. Разговорились, визитками обменялись. Он ко мне в мастерскую машину на ремонт ставил, а я иногда к нему в бар наведывался на чашечку кофе. Так и начали общаться.

Карлос чувствовал, что если он не вернет разговор в нужное ему русло, старики ударятся в воспоминания.

– Дядя Милен, ну и что ты заметил?

– Ты о чем?

Увидев разочарование на лице племянника, Милен воскликнул:

– Все, все, рассказываю дальше. Ну, так вот! В зал вошла компания из качков, одетых в черное, которые сопровождали нескольких девушек. На чем эта группа приехала, я не знаю, просто предположил, что на джипах.

– Как девушки выглядели?

– О, это были модельные красотки. Все мужчины, что сидели у барной стойки, на них уставились. Особенно хороша была блондинка. Волосы волной лежали по красному платью до самой попы. Казалось, что она не шла, а плыла по залу. Ее огромные глаза обводили взглядом ресторан и остановились на секунду на мне. Я думал: в обморок упаду. Никогда такой красоты не встречал.

Дядя Милен прикрыл восторженно веки, а старички засмеялись:

– Здорово, что на старости лет такие воспоминания появились.

– Наверное, перед сном мечтаешь о красотке?

– Да ладно вам, – смутился Милен, – не буду дальше рассказывать.

– Девушки были в вечерних платьях? – вернул на землю дядю Карлос.

– Да.

– Значит, они приехали в ресторан, а не на лыжах кататься?

– Не знаю, при курорте еще отель есть, где останавливаются сильные мира сего. Вообще этот курорт не для среднего класса. Там чашка кофе, – Милен поднял пустой стеклянный стаканчик со следами пены на стенках, – стоит как автомобиль!

– Так дорого! – воскликнул сутулый старик.

– Да. Зато и сервис на высшем уровне.

– А твой знакомый барменом был? Как его в таком возрасте на работу взяли?

– О чем ты говоришь! Какой бармен! Сильвио не работник, он хозяин бара и ресторана.

Теперь там его сын заправляет.

– Что дальше было?

– А на чем я остановился? Да. Охранники быстро провели девушек через холл и уехали на лифте вверх. Что дальше было, не ведаю. Я спросил у Сильвио, кто это такие, но он промолчал. Я и не настаивал.

Карлос не знал, как реагировать на эту историю. Одна мысль то появлялась у него в голове, то исчезала. Никак он не мог ухватить ее за хвост. Что это за люди, чем занимаются? Это профессиональные охранники, сопровождавшие элиту на отдых, или сутенеры, которые привезли роскошных женщин для эскорта услуг?

– Дядя, а тебе не показалось, что девушки напуганы, или они пленницы?

– Нет. Они улыбались, перебрасывались словами с охранниками, а блондинка, когда встретила со мной взглядом, даже подмигнула.

«Точно, проститутки. Работают в эскorte для богачей».

– А сколько женщин было, не помнишь?

– Группа большая, это точно, – задумался Эмилио. – Я потому решил, что они приехали на черных джипах, что, когда я заходил в бар, этих машин еще не было, а уходил – они стояли у входа в отель.

Мысль опять мелькнула и пропала. «Что такое? Ну, привезли проституток, так кого этим в наше время удивишь? Хотя, это могут быть танцовщицы, или актрисы, или просто женщины для компании».

– Дядя, ты говоришь, что одна девушка была блондинка, а остальные как выглядели?

– Хороший вопрос. Я когда на них посмотрел, удивился: среди девушек не было ни одной испанки.

– А кто? – хором спросили друзья.

Все настолько заинтересовались беседой, что забыли про остывший кофе и не заметили, как вокруг их столика собрался народ.

– Я тоже видел, как этих девушек в машине везли, – вставил китаец с местного рынка.

– Где?

– Джип остановился у магазина, открылась дверь, а там, в глубине, сидела китайка молоденькая. Я потому и запомнил. Удивился: не так часто в горах китайцев увидишь.

– Очень интересно, – протянул Карлос, – дядя, а те девушки какой национальности были, как думаешь?

– Блондинка походила на немку или славянку. Хотя нет. Больше на немку. Или... А, бес знает, кто! Там была еще рыжая девушка, потом, – Милен закрыл глаза, вспоминая, – азиатка, а еще худенькая и стройная, как мальчишка, негретяночка с короткой стрижкой. Были и еще девушки, но я их не запомнил. Охранники в черном, как коршуны, окружили их и повели через холл.

«А может, это жены и дочери?» – предположил Карлос, но сразу отмел эту версию. Девушки были чужестранками. С детства ему внушала Ремей, что испанец женится только на соотечественнице. Карлос с матерью не соглашался: современный мир диктует другие правила, но и массового потока межнациональных свадеб среди знакомых не наблюдал.

– Да ладно вам, – вмешалась в разговор Мария, – просто приехали девчонки в гости к кавалерам. Что с того? На горнолыжном курорте часто молодежь тусуется. Сейчас еще не сезон, вот и приезжают развлекаться подальше от родителей. Еще кофе пить будете?

Посетители переглянулись и стали расходиться по своим делам. «И вправду, почему я должен волноваться, кто мои соседи? Не мешают окружающим жить и ладно», – подумал Карлос и уже повернулся, чтобы уйти, как столкнулся взглядом с пожилым человеком, который сидел с бокалом пива и внимательно смотрел на него. Мужчина тут же отвел глаза, поставил стакан и быстро ушел.

– Кто это? – поинтересовался Карлос у Милена, кивнув в сторону незнакомца.

– Где? – дядя повернулся. А-а-а, этот... Да так, местный выпивоха, дон Фернандес. Без алкоголя жить не может. А что?

– Мне показалось, что он нас внимательно слушает.

– Вряд ли. Он всегда выпивает свое пиво и идет домой, ни с кем почти не общается.

Карлос пожал плечами, сначала хотел догнать дона Фернандеса, а потом передумал и вернулся в отель.

Сломанная рука не давала заниматься бумажной работой, поэтому он пошел на обычный осмотр этажей. Как ни старался выкинуть из головы соседей, влажные глаза, смотрящие на него через окно, разноцветных девушек, ничего не получалось. Карлос снова вышел на улицу, завернул за угол и остановился у металлической решетки, перекрывавшей вход в двор-колодец.

Тишина. Сгустившаяся темнота не давала разглядеть детали, да и смотреть было не на что. Лишь ветер гнал по асфальту осеннюю листву, да болтался на кусте, росшем прямо возле подвального окна пластиковый пакет. Карлос сначала не обратил на него никакого внимания: пакет как пакет, много таких валяется вокруг. Он уже разворачивался, когда новый порыв подхватил легкий целлофан и понес его к решетке. Боковым зрением Карлос заметил, как из пакета выпал бумажный листок, покружился слегка в воздухе и прилип к оконному стеклу.

Мужчина сорвался с места и побежал в отель. Взлетел на стремянку: листок по-прежнему прижимался к стеклу. Карлос пригляделся: это был всего лишь обычный кассовый чек. Мужчина разочарованно выпрямился.

– Совсем в детектива заигрался. Подумаешь, не нравятся тебе соседи! Они никому не мешают, и никого не трогают, – ворчал он осторожно спускаясь со стремянки.

Он еще раз повернулся и посмотрел на окно: листочек исчез. Карлос спустился на пол, включил свет так как в комнате стало совсем темно и решил проверить записи, сделанные в ту роковую ночь. Работал еще час, потом сладко потянулся, разминая застывшие мышцы, и снова посмотрел на темное стекло. Ему показалось, будто там что-то белеет. Карлос постоял, раздумывая, надо ли ему продолжать заниматься делом соседей, вздохнул и снова полез на стремянку.

К стеклу прижимался тот же чек, только ветер развернул его другой стороной. На белой поверхности было что-то написано шариковой ручкой на иностранном языке. Карлос спу-

стился, захватил со стола карандаш и блокнот и вернулся к окну. Он тщательно переписал слова, набранные незнакомым шрифтом, и задумался.

Глава 8

Вкус свободы

Станислав Сергеевич оказался человеком дела. Он быстро разругил ситуацию, и, как Виктор ни крутился, заявление ликвидировали. Потом он отпустил толстячка полицейского, а сам остался в квартире и терпеливо ждал, потягивая кофе, пока Алина соберет детские вещи и свои. На злые взгляды Виктора мужчина не реагировал, на причитания Ольги Витальевны тоже.

Бедная пожилая женщина пребывала в шоке. Приехала в гости к дочери, а попала в семейный скандал. Тяжело ступая, она то ходила следом за Алиной, то бросалась к зятю.

– Доченька, ты подумай хорошенько, что делаешь. Ну, куда ты пойдешь? Как жить соби-
раешься? Ты сколько лет не работала? Девять? Ты профессию давно потеряла. Как восстанав-
ливать будешь? – держась за сердце уговаривала она дочь.

– Мамочка, не волнуйся, – лихорадочно бегая по квартире, отвечала Алина, – я все равно это добро своим не считаю. А работу я найду, не переживай. Я молода, руки-ноги на месте, значит, справлюсь. На курсы пойду, сдам экзамены, глядишь, и в медицину вернусь. Я же у тебя умницей-отличницей была, помнишь? – Алина на ходу обняла мать и нырнула в детскую комнату.

Виктор хмыкнул, но покосился на Станислава Сергеевича и промолчал.

– Витя, что нажито в браке делится пополам, – накинулась мать теперь на зятя, – ты же благородный человек, должен понимать, что она с девочками пропадет.

– Мама, что я сделаю, если твоя дочка хочет самостоятельной жизни. Ну, пусть идет, пробует. Набегается, потом вернется, – сквозь зубы процедил Виктор и, увидев, что жена забежала в спальню и скрылась от глаз полицейского, проскользнул за ней.

Алина стояла у ночного столика и перебирала коробочки с украшениями. Она не могла решить, забирать с собой подарки мужа или оставить ему. С одной стороны, эти золотые безделушки помогут ей с девочками продержаться первое время. А с другой, ей было противно прикасаться ко всему, что преподносил к праздникам Виктор.

Она не заметила, как муж на цыпочках подкрался сзади и ущипнул ее за руку. Сделал пакость и испуганно огляделся: не видит ли кто. Алина передернула плечами не столько от боли, сколько от отвращения, которое тошнотой рвалось из желудка. Как она прожила десять лет с этим мерзавцем!

Мороз побежал по коже, когда она увидела в десяти сантиметрах от себя ненавистное лицо с ядовитой ухмылкой. Страх парализовал ее волю. Она хотела бежать, но ноги подкосились. Крикнуть – горло свела судорога. Поняв, что их никто не видит, Виктор схватил Алину за талию и притянул к себе.

– Отпусти, или я закричу, – наконец придя в себя, тихо сказала она, глядя прямо в глаза мужу.

– Кричи, сучка! Твой кобелек прибежит, думаешь? Там его маман отвлекает. Если бы я знал, что ты такой змеей окажешься, я бы никогда не женился, – шипел он Алине на ухо. – Знаешь, когда целку тебе сломал, хотел друзьям подарить: Андрюха тоже хотел тебя трахнуть. А потом я, дурак, передумал, пожадничал. Уж очень ты оказалась сладкая. Будто околдовала меня, ведьма.

Виктор неожиданно сунул ладонь Алине между ног и силой надавил. Ее передернуло от омерзения. Она тяжело задышала и яростно стала бороться, желая скинуть руку мужа. Но он прижал ее к ночному столику, насильно раздвинул ноги и полез с поцелуем.

Алина вытянула шею и открыла рот, чтобы закричать, но помощь пришла сама. Она вдруг увидела над головой мужа потемневшие от бешенства глаза Станислава Сергеевича. Он легонько хлопнул Виктора по плечу и тихо спросил:

– Что здесь происходит? Хотим за изнасилование в кутузку попасть? Мелкого хулиганства недостаточно?

Виктор отпрыгнул от жены, как ошпаренный. Красное лицо перекосила злобная гримаса. Он поднял руки вверх, мол, я ничего не делал, что-то пробурчал под нос, бочком обошел полицейского и прошмыгнул на кухню. Через секунду он уже сюсюкал с Катюшей, которую расстроенная бабушка кормила обедом.

Алина облегченно вздохнула, кивнула головой в знак благодарности и высыпала драгоценности в карман кардигана, который накинута на себя.

Наконец вещи были собраны, Алина и Катя готовы. Плачущая мама тоже собралась уезжать домой.

– Деньги у тебя есть, – уже перед уходом спросил Станислав Сергеевич Алину. Она растерянно подняла на него глаза. Об этом в суматохе она не подумала.

Полицейский молча уставился на Виктора. Тот занервничал, потом полез во внутренний карман куртки и протянул Алине семейную банковскую карту. Весь его вид так и кричал, какой он заботливый муж и отец. Алина ни на секунду не поверила в его доброту. Она знала, что хозяин карточки Виктор, и как только они покинут квартиру, он сразу карту заблокирует.

Оказывается, знал о таких гадких вещах и Станислав Сергеевич. Он забрал карту из рук Виктора, посмотрел на фамилию владельца и вернул ему.

– Наличные есть?

– Откуда сейчас наличные? Весь расчет идет через карточки, – заюлил Виктор.

– Отлично. Тогда идёшь с нами до первого банкомата, снимаешь деньги и даешь жене, – приказал полицейский. Увидев, что Виктор стоит, скрестив руки, и не собирается одеваться, он прикрикнул, – живо!

* * *

Так Алина вернулась в квартиру к Ирине Ивановне. Добрая дворничиха обняла ее, как родную дочь, а Настя обрадовалась сестренке. Женщины вместе всплакнули и сели в кухне решать, что делать дальше.

– Помнишь, что Стасик сказал? Побой надо официально зафиксировать. Так что девонька, собирайся и поезжай в больницу.

– А зачем? Все разрешилось. Виктор заявление забрал, меня отпустил.

– Э, нет, милая! Ты не думай, что так будет просто. Когда на развод подашь, чтобы быстро свободной стать, надо в руках аргументы иметь. С двумя детьми начнут тянуть резину, сроки переносить.

– Правда? – расстроилась Алина.

– Да ты не переживай сильно. Стасик поможет. Он у нас знаешь какой! Ух! Такие мужики на вес золота.

Уговаривать Алину долго не пришлось, она собралась и поехала в приемный покой ближайшей больницы. Сидя в маршрутке, она смотрела на проплывающие мимо дома и неожиданно поймала себя на мысли, что редко она чувствовала себя так спокойно. Она понимала, что Виктор ее легко не отпустит. Мелкая мстительность как раз была в духе мужа. Не раз она видела, как он вынашивал планы мести сослуживцам по какой-то причине раньше него получившим очередное звание или улетевшим в престижную командировку. И никогда не прощал обидчиков, а пакостил с добрым и невинным лицом. Люди даже не догадывались, кто испортил им жизнь.

Но об этом она сейчас не хотела думать.

– Надо найти работу, – прошептала она под нос, – и жилье.

Сказала и сердце опять затрепетало, и участилось дыхание. Она только в эту минуту осознала, какой масштаб работы по изменению своей жизни ей предстоит сделать. Алина закрыла глаза и почувствовала, как по щекам катятся слезы. Она и сама не знала: это были слезы радости или страха. «Все! Не думаю о плохом. Бабушка мне предсказала богатую жизнь и счастье, значит, оно где-то меня ждет. Буду на это надеяться».

Домой она возвращалась, когда уже стемнело. Из маршрутки выскочила на остановку раньше, и пошла вдоль улицы, разглядывая все объявления. Судьба, видимо, ей благоволила: рядом с домом Ирины Ивановны она увидела, что в танцевальную студию требуются уборщицы. Алина открыла обшарпанную коричневую дверь, и у нее появилось стойкое ощущение, что старая жизнь закончилась и начинается новая, полная волнительных приключений.

Ее встретила приятная пожилая леди. Виктория Алексеевна, так назвала она себя Алине, предложила ей чай, рассказала о будущем рабочем дне и обязанностях, а также упомянула, сколько она будет получать за такой неквалифицированный труд. Алина расстроилась. Она, конечно, понимала, что зарплата будет небольшая, но чтобы настолько – это было полным сюрпризом. Только сейчас она сообразила, что находясь девять лет за спиной мужа, она совсем оторвалась от реальной жизни.

Ее смтение, видимо, отразилось на лице, поэтому Виктория Алексеевна сразу предложила бонус: бесплатное занятие танцами для Алины.

– А дочку можно к вам привести? – поинтересовалась обрадованная Алина.

– У нас студия для взрослых людей, но и девочку тоже научим. Приводите.

Женщина повеселела. Не все так плохо. В мире много хороших людей, готовых поддержать в трудную минуту. И совсем не обязательно, что это должны быть родственники.

В отличном настроении Алина вернулась к Ирине Ивановне.

– Осталось найти комнату, и можно жить дальше, – улыбалась Алина, рассказывая о том, что нашла работу.

– Я вас пока и не гоню, – ответила Ирина Ивановна. – Хотя у меня есть вариант.

– Какой? – обрадовалась Алина.

– Этажом выше, есть свободная квартирка, за которой я присматриваю. Хозяева живут за границей, жильцов пускать не хотят. Просто приплачивают мне, чтобы я пыль иногда протирала, да проветривала. Я им позвоню и договорюсь. Поживешь пока там, авось и наладится все.

– Я боюсь. У меня Катя, – засомневалась Алина.

– А что Катя? Подумаешь, сломает что-нибудь. Не страшно. Там старая обстановка, ничего роскошного. Это квартира матери хозяйки, которая умерла год назад. Да они даже и не заметят, если что-то сломается. Редко здесь бывают.

Алина слушала дворничиху и не верила, что в ее жизни так хорошо все складывается. Она вспомнила старинную притчу, которую прочитала когда-то.

Жил богатый человек. Было у него все: дом – полная чаша, стада бродили по пастбищам, добрая жена и любящие дети. И вот наступили для него тяжелые времена. Дом ограбили воры, стада разбежались, умерла жена и тяжело заболели дети. В полном отчаянии мужчина пошел к мудрецу.

– Умный человек, скажи мне, как дальше жить? Что делать?

– Так будет не всегда! – ответил ему Старик. – Сделай себе такую табличку, повесь на всех станах дома и помни об этом, – и отправил человека восвояси.

Идет мужчина, качает головой: «Станный совет дал мудрец. Неправильный». Делать нечего, сделал таблички из дерева, написал на них «Так будет не всегда» и развесил по дому, куда взгляд падает. Каждое утро он смотрел на памятки, вздыхал и шел по своим делам.

Через некоторое время мужчина заметил, что жизнь налаживается. Он женился на хорошей женщине, которая стала любящей матерью его детям. Пастухи собрали стада, хорошо пошла торговля, и дом стал снова полная чаша. Обрадованный человек пошел к мудрецу.

– Скажи мне, старик, чем могу тебя отблагодарить? Какой подарок принести?

– Ничего мне не надо, – ответил мудрец, – я просто хочу, чтобы ты помнил, что и так будет не всегда.

Алина встала, нашла листок бумаги, написала заветные слова из притчи и положила себе в сумочку. Она дала зарок, что каждое утро и вечер будет повторять их про себя, чтобы помнить.

* * *

Прошло две недели. Алина подала документы на развод и алименты и ждала решения суда. Виктора она видела, но только издалека. Он старался держаться от семьи подальше. Но в чистые посылы мужа она не верила: слишком хорошо его знала, поэтому всегда оставалась настороже.

Новая жизнь потихоньку налаживалась. Алина вставала рано и шла помогать Ирине Ивановне. Выпал первый снег, за ним второй, а затем резко потеплело. Двор был покрыт толстым слоем размокшей каши, которую дворничиха не успевала убирать. А тут еще и студенты повадились бегать на крыльцо курить, так как рядом находился коммерческий институт. На территории заведения поддерживалась идеальная чистота, вот молодежь и облюбовала для перекура угол дома, где жила Ирина Ивановна.

Алина, несмотря на сопротивление доброй женщины, чистила снег, воевала со студентами и добилась того, что с каждым днем их становилось все меньше. Потом она бежала в новую квартиру, будила Настеньку, кормила ее завтраком и провожала в школу. Ирина Ивановна в это время присматривала за Катей.

День тоже проходил в заботах. Сходить в магазин, позаниматься с дочкой, приготовить ужин, ибо вечером Алина, оставив детей на Ирину Ивановну, бежала на работу. Через неделю стала брать с собой и Настеньку. Дочка старательно повторяла движения студийцев, юношей и девушек, которые весело смеялись над ее ошибками и поправляли их.

Мать с гордостью наблюдала за дочкой, которая, казалось, забыла о проблемах и вся ухаживала в музыку и танец. Ее личико становилось одухотворенным, постоянно сведенные к переносице бровки выпрямлялись, и Настя счастливо улыбалась. «Господи, почему я раньше не сбежала от этого уroda? – в порыве раскаяния думала Алина. – Что я за мать! Как могла допустить, что мои дети будут жить в таком аду?»

Она ниже опускала голову, и слезы капали в ведро с водой для уборки. Алина вытирала их кулаком и зло возила шваброй по линолеуму. Она видела, как за ней наблюдает Виктория Алексеевна, но ничего не рассказывала. Достаточно того, что часть проблем взвалила на плечи Ирины Ивановны.

Алина не заметила, как к ней подошла хореограф.

– Я смотрю на твою девочку и вижу, что у нее есть способности. Она гибкая, пластичная, а еще она тонко чувствует музыку. Это редкий дар. Ты не хочешь отдать Настю в детскую группу?

– Очень хочу, но сейчас не могу, – прошептала Алина и почувствовала, что вот-вот заплачет.

– Я понимаю, у тебя проблемы. Я же вижу, ты хорошая мать, не похожа на побирушку. А жизненные трудности у всех бывают. Не переживай, я договорюсь со знакомой, она пока бесплатно возьмет, а там видно будет.

– На занятия я деньги найду, а вот на наряды, увы... – расстроенно пробормотала Алина, подхватила ведро и пошла в другой конец зала.

– А ты об этом не переживай, – не отставала от нее Виктория Алексеевна, сначала гимнастический купальник нужен и носочки. Наряды уже позже понадобятся. А там, глядишь, и сама на ноги встанешь.

Алина согласилась, и теперь у нее прибавилось хлопот: три раза в неделю надо было возить Настеньку в детскую студию танцев, расположенную в центре города. Волновалась, боялась, что не справится, но и к этой дополнительной нагрузке быстро привыкла. Удивлялась сама себе, никогда не думала, что будет мыть полы, чистить двор от снега, следить за дочками и везде успевать. Уставала смертельно, но каждый раз засыпая, повторяла: «Так будет не всегда!»

Глава 9

Горный курорт

Карлос сидел за столом и рассматривал буквы. Перед ним жирно синели два слова, заканчивающиеся восклицательным знаком, написанные размашистым почерком. Это могло быть что угодно: приказ, просьба, каракули, выведенные рукой ребёнка. Карлос понял одно: автор послания торопился, поэтому криво размазал буквы по листу. Хотя и здесь возникали сомнения. У человека от природы мог быть такой почерк.

То, что это не латиница, он понял сразу. На арабскую вязь и на восточные иероглифы буквы тоже не походили. Значит – кириллица. Карлос снова включил ноутбук, открыл переводчик и славянский алфавит. Он старательно набрал буквы, как их понял, и нажал кнопку «Перевести». Ничего не вышло. Программа не знала таких слов, которые он написал. Карлос попробовал ещё раз – опять облом.

– Ничего не выйдет, – пробормотал он, пряча чек в карман джинсов, – завтра разберусь.

Ночью он спал плохо. Опять видел чёрные влажные глаза, которые ему что-то отдаленно напоминали. Они медленно надвигались на него, заставляя сжиматься от страха. Он даже слышал приглушенное и быстрое дыхание, и, казалось, еще чуть-чуть и чудовище набросится на него и проглотит. Карлос проснулся с криком и испуганно посмотрел на детскую кровать, где лежал сын: вдруг разбудил. Но мальчик спал крепко, положив ладошку под щеку.

Карлос встал, выпил воды, снял влажную от пота футболку и переоделся. «Приснится же такое!» – мелькнула мысль, когда он снова погружался в сон.

Утро началось как обычно. Но даже на пробежке он гадал, что написало на чеке. Когда он свернул на дорожку, тянувшуюся вдоль реки, увидел донна Фернандеса, который сидел на скамейке и позевывал. Приблизившись к старику, Карлос кивнул и пробежал мимо, потом вдруг оглянулся. Ему показалось, что дон Фернандес хочет что-то сказать. Старик сидел с поднятой рукой, а когда увидел, что Карлос остановился, встал со скамейки и исчез в придорожных кустах.

– Станный человек, – покачал головой Карлос и побежал дальше.

Во время завтрака он перехватил Соню, которая уже довольно бойко болтала по-испански, и попросил посмотреть надпись. Девушка сразу сказала:

– Это украинский язык. Здесь написано: «Допоможіть нам!» По-испански: «Nos ¡Ayuden»! А кому надо помочь? – засияла ямочками Соня?

– Спасибо за разъяснение, пока никому, – ответил Карлос и махнул рукой, отправляя веселую украинку на кухню. Он видел, как из дверей показалась бдительная Ремей в строгом чёрном платье и решительно двинулась к нему.

– Что эта la regga от тебя хотела? – грозно поинтересовалась она.

– Мама, зачем ты так? Соня – нормальная девушка, а ты ее собакой называешь.

– Хорошие девушки у себя на родине сидят и на чужих мужиков не заглядываются, – продолжала ворчать Ремей, но тут прибежал Антонио, и лицо бабушки потеплело.

Карлос ласково потрепал сына по коротким волосикам. Удивительное дело, но у коренных испанцев родился светленький и зеленоглазый мальчик. Нет, у брюнетки Мадлен тоже были серо-зеленые глаза, доставшиеся ей от бабки-андалузки, но блондинов ни в одном роду не водилось. То, что Антонио его сын, Карлос не сомневался ни секунды. Малыш очень походил на него и лицом, и телосложением. Но каждый раз все равно удивлялся, глядя на сына. Врач объяснил родителям, что первые волосы вскоре потемнеют, не надо волноваться по этому поводу. Они и не волновались, любили сына ещё крепче.

Он поцеловал мать в темный затылок, чмокнул сына в щечку и пошел на склад. Ему не терпелось проверить новую версию. «А что если это название фильма или книги?» – размышлял он, открывая ноутбук. Но, сколько он ни искал, ни одно произведение так не называлось. Карлос вздохнул и пошел проверять документацию по отелю, но вдруг развернулся и позвонил Милену.

– Дядя, ты где? – спросил и тут же в окно увидел старика, ковыляющего по улочке в сторону булочной с открытой верандой.

– Иду на встречу с друзьями.

– Не торопись, я сейчас.

Карлос спустился по ступенькам крыльца и пошел к Милену. Осенний день встретил бликами от солнечных лучей на окна, золотом листвы под ногами и улыбающимися лицами прохожих. Карлос давно заметил, что горные деревни живут по своему ритму. Они никуда не торопятся, не спешат, отсюда и сохраняют хорошее настроение. Кажется, что говорливые и темпераментные каталонцы здесь как будто убаюкивают свой бешеный характер, приводят его в гармонию с природой.

Уже через месяц Карлос тоже приспособился к такой жизни. Если бы сейчас он находился в Барселоне, он бы крутился, как хомяк в колесе, ни на минуту, не останавливаясь. А тут он неспешно идет по улице, здороваясь с прохожими, приветствуя стариков у кафе и булочных.

– Ну, и зачем ты меня ждать заставил? – ворчливо встретил его Милен.

– Дядя, я вот все думаю о той истории, что ты вчера рассказывал.

– Про пикник и драку?

– Нет. Про красавиц, которых привозят на горнолыжный курорт. Так хочется на них посмотреть! Может, свозишь меня вечером? Тем более, что сегодня суббота. Наверняка народ соберется. Сам видишь, мне нельзя за руль садиться, – Карлос потряс повязкой с гипсом.

– Съездить можно, только я сомневаюсь, что те девушки будут. Что-то я давно черных машин в деревне не видел.

– Все равно я хочу посмотреть. Я в ущелье только мальчишкой бывал, с отцом на рыбалку ездили. Интересно, как теперь там стало.

– Ну, давай, прокатимся. Только ужином старика угостишь?

– Хорошо, – Карлос усмехнулся. – Ну, что за человек! По словам матери, у него добра накоплено так много, что не одно поколение еще безбедно жить будет, а тут скаречничает, ужин у племянника выпрашивает.

– Вот и договорились.

– Только я хочу на твоём старинном кабриолете прокатиться. Ты не против?

– Ладно, что с тобой делать, – засмеялся довольный Милен. Карлосу показалось, что он и сам мечтает вырваться на простор из деревни. – Встречаемся в восемь вечера.

– Так поздно?

– А ты как думал? Горный курорт живет ночной жизнью, – ответил дядя и пошел к друзьям, которые уже ждали его на любимой веранде.

До вечера Карлос занимался делами отеля, но вяло. Все мысли были о ночном путешествии. Загадка чека не давала ему покоя. Как только часы прозвонили восемь, он уже стоял у порога.

Милен вышел из белоснежного Мерседеса с открытым верхом, но это был не старичок с палочкой. Перед племянником, гордо расправив плечи, стоял испанский дворянин во фраке и с черным галстуком-бабочкой на шее. Он небрежно опирался на трость с набалдашником в виде головы собаки, и весело переругивался с Ремей. Заметив Карлоса, он окинул его взглядом. Оценил кроссовки и джинсы, кожаную куртку, наброшенную на плечи, и отправил переодеваться.

Карлос вернулся в номер. Как ни уговаривала его мать переехать в дом тети, он не соглашался. Зачем им с сыном пустой трехэтажный дом, где нет хозяйки? Он вздохнул, отгоняя неприятные мысли о жене и подошел к гардеробу. Он стоял перед раскрытым шкафом и не знал, что надеть. Кроме черного траурного костюма у него с собой не было торжественных и нарядных вещей. Пришлось надеть к нему бледно-лиловую рубашку, чтобы немного оттенить похоронный вид. Рубашка опять напомнила о Мадлен – ее подарок. Нашлись и черные туфли, которые Карлос ненавидел за жуткие острые носы.

Он с трудом застегнул запонки, потом криво повязал галстук (Ремей поправит), пиджак накинул на плечи: сломанная рука не позволяла надеть правильно. Карлос подошел к зеркалу. Волосы зачесал назад, немного брызнул парфюмом. Провел по подбородку – трехдневная щетина кололась, но возиться с ней не стал: и так сойдет. Сейчас модно ходить с легкой небритостью.

Наконец он удовлетворенно улыбнулся. В зеркале на него смотрел загорелый мужчина тридцати с небольшим лет. Глаза, глубоко спрятанные под широкими бровями, нос с легкой горбинкой, ямочка на подбородке – все создавало облик сильного волевого человека, в объятьях которого мечтали оказаться многие женщины. Карлос угрюмо усмехнулся: только не Мадлен.

Карлос вышел из номера, но снова вернулся. Достал из джинсов чек и сунул в карман пиджака. Зачем? Он и сам не знал, действовал спонтанно, по наитию.

Он спустился вниз, попрощался с сыном и матерью и вместе с Миленом отправился в путь.

Уже стемнело. Дорога, серпантином поднимавшаяся в гору, освещалась только фарами автомобилей, которые плыли сплошным потоком в вечернем тумане. Было слегка жутковато, но в то же время весело. Он не дал дяде закрыть крышу Мерседеса, и теперь наслаждался ветром, бьющим в лицо и свободой.

– Те gusta? – ежеминутно спрашивал Милен.

– Мне нравится, очень нравится, – отвечал Карлос, наблюдая за движением. – Неужели этот курорт так популярен?

– А ты думал как? Вот у тебя в отеле зимой и в уикенд свободных мест нет, так?

– Ну, допустим.

– Ты полагаешь: народ косяком рвется на природу? По горам хотят погулять, воздухом подышать? Нет, дорогой племянник, люди едут в это ущелье, а останавливаются у тебя в отеле, потому что сутки проживания в три раза дешевле. Они лучше сэкономят на ночевке, а здесь отдохнут по полной программе.

Когда они стали спускаться в ущелье, где находился курорт, дорога стала такой узкой, что скорость движения совсем упала. Наконец серпантин закончился, и Карлос попросил дядю остановиться, не доезжая до отеля. Он хотел осмотреться. Милен пожал плечами, но выполнил просьбу племянника. Карлос вышел из машины. Он с хрустом потянулся и поправил пиджак, который все время норовил сползти с плеча. Окинув взглядом территорию, присвистнул.

– Ничего себе они развернулись!

– А я что говорил? – засмеялся Милен. – Идем?

– Дядя, мы на ужин не попадем. Смотри сколько людей!

– Я уже столик заказал, не волнуйся. Хочешь полюбоваться? Любуйся, десять минут у нас еще есть.

Карлос одобрительно кивнул.

Перед ними полукругом сиял огнями пятизвездочный отель, на заднем плане которого и по бокам виднелись другие хозяйственные строения. Лакеи в цилиндрах и красных ливреях встречали прибывавших гостей. Проворные водители тут же отгоняли машины, освобождая место для других. Группы ныряли в багажники и появлялись с чемоданами и сумками, а потом,

согнутые под тяжестью груза, семенили позади гостей. Элегантные кавалеры сопровождали роскошных дам в длинных платьях и накинутых на плечи меховых горжетках. Зима еще не наступила, но вечера и ночи уже были холодные.

Особенно выделялась одна пара. Высокая дама сияла в лучах фонарей своим серебристым платьем, как ограненный бриллиант. Она держала под руку маленького и толстенького кавалера. Издалека они смотрелись комично: великанша и гном. Карлос улыбнулся: надо же какие бывают союзы! Что-то знакомое показалось ему в стройной женщине. Он нахмурился, но пара уже исчезла за вращающимися дверями. Образ мелькнул и пропал из глаз, а заодно и из памяти.

Все вокруг выглядело праздничным и нарядным и никак не напоминало деловую атмосферу горнолыжного курорта. За десять минут наблюдения ни из одного багажника прислуга не вытащила лыжи.

– Они приехали кататься с гор в таком виде? – показал Карлос на гостей.

– Нет, конечно. На лыжи встанут днем. Видишь, в-о-о-о-н там, – Милен махнул в сторону гор, – канатные дороги. Вечером они просто гости, отдыхают, наслаждаются изысканной едой и беседой.

Карлос обернулся: на границе света и тьмы, вдали от ярких фонарей, поблескивали металлические сооружения с прикрепленными вагончиками, которые поднимали людей наверх. В глубину гор уходили и другие сооружения, не видные сейчас из-за слабого освещения той территории.

– Я все равно не понимаю. Зачем ехать в ущелье на ужин? Здесь повар – великий профессионал или есть еще другие развлечения?

– А вот это я тебе не скажу. У Сильвио не спрашивал, мне тогда было без разницы, почему тут, словно медом намазано. Знаю только: место дорогое и популярное. Ладно, поехали.

– Ты черные джипы видел? – спросил Карлос.

– Пока нет. Я же тебе говорил: эти люди не каждый раз появляются. Я часто заглядывал на кофе к Эмилио, но видел красавиц с охраной только один раз.

Через минуту они тормозили у входа. Мальчик в костюме водителя забрал у Милена ключи, и гости прошли в холл отеля.

У дверей Карлос притормозил на минуту. От входа хорошо просматривалось все пространство холла. Справа – стойка ресепшн, слева – вход в ресторан, который походил на широкую арку. Напротив них, в глубине холла, металлически поблескивали двери лифтов. Люди шли один за другим, и через минуту Карлоса вежливо попросили уйти в сторону.

Внутри ресторана сияло богатством: шелками струились портьеры, позолотой поблескивали столовые приборы, в хрустальных бокалах отражались огни люстр. Метрдотель провел Карлоса с дядей к их месту и с поклоном предложил меню, оформленное в виде глянцевого альбома.

Их стол находился рядом с аркой, поэтому хорошо был виден и ресторан, и холл. Недалеко от их места сиял фужерами, подвешенными к стойке, богатый бар.

– Ты специально заказал этот столик? – улыбнулся Карлос и неловко открыл левой рукой меню.

– Конечно. А как ты девушек увидишь, если в глубине сидеть будешь? Что, умный у тебя дядька?

– Ты молодец, – Карлос оглядел зал. Столики были заняты, но он не видел среди гостей многих людей, которые оставляли машины у входа. Блестящая дама и ее кавалер тоже отсутствовали. – Дядя, а куда делить те туристы, каких мы встретили у входа?

– Какие? – Милен, сосредоточенно выбиравший блюда, поднял голову и тоже огляделся. – Правильно. Не все приезжают поужинать. Здесь еще есть развлечения, только я не знаю, какие.

Их разговор прервал официант, подошедший взять заказ. Ужин был вкусный и приятный. Стейк средней прожарки, как любил Карлос, таял во рту. Комфортная обстановка, красиво оформленная еда, изысканное вино, плавная мелодия – все располагало к неге и удовольствию.

Дядя увидел сына умершего друга, показавшегося за стойкой бара, и пошел к нему, чтобы поздороваться. Карлос остался один. Все вроде хорошо, но какое-то беспокойство не оставляло его, тревожным саваном ложилось на душу. Он постоянно смотрел на вход, надеясь, что появятся те красавицы, о которых говорил Милен. А еще почему-то вспоминал даму в серебристом платье.

– Скажите, кроме ужина, здесь можно еще как-то развлечься? – подозвал Карлос официанта. Он небрежно положил на стол руку в гипсе. Когда увидел, что молодой человек посмотрел на него, он постучал пальцами по скатерти, перевернул ладонь и показал купюру в пятьдесят евро.

Официант нервно оглянулся. Взгляд его заметался: деньги – зал, зал – деньги – охранник. Наконец он шумно сглотнул и выдохнул:

– Я ничего не знаю. Днем можно прокатиться с горы на лыжах, съесть бизнес-ланч в кафе, но мест в отеле нет. Вам десерт принести?

Карлос неторопливо достал еще пятьдесят евро и добавил к первым. Он внимательно смотрел на официанта, но тот старательно отводил глаза. Получив заказ на десерт и кофе, парень убежал так быстро, будто за ним гнались охотники.

«Что-то здесь не так, – потягивая вино, думал Карлос, – даже такие большие чаевые не действуют. Получается, что работа в это месте стоит дороже. Или он чего-то боится?»

Карлос рассеянно посмотрел на холл, гадая, куда едут те люди, которые садятся в лифт. Он встал, принял независимый вид и направился в туалет. Вымыл руки, постоял еще с минуту для виду, вышел и бодро зашагал к лифту. Он не успел даже нажать на кнопку вызова, как сзади к нему подошли два охранника. Карлос на секунду растерялся: он не понял, откуда материализовались эти качки. Только что рядом никого не было и вот...

– Ваш пропуск, пожалуйста, – вежливо обратился к нему здоровенный мужчина и как бы невзначай коснулся кобуры, висевшей у него на поясе.

– Пропуск, какой пропуск? – недоуменно спросил Карлос. – Чтобы подняться к себе в номер, нужен пропуск?

– Это лифт работает по специальным карточкам, – пояснил терпеливо охранник.

– Карточка? А где моя карточка? – пролепетал Карлос, притворяясь слегка подвыпившим гостем. Он покачнулся, полез в карман, но резко дернул плечом. Пиджак поехал вниз. Карлос посмотрел на черный комок ткани, гармошкой лежавший у его ног, потом на секьюрити и ... его взгляд остекленел. Из соседнего лифта, громко смеясь, выходила Мадлен.

Глава 10

В ожидании суда

Три недели из месяца ожидания суда пролетели незаметно. Ничто пока не предвещало неприятностей. Алина заметила, что реже оглядывается через плечо, чаще улыбается и шутит с дочками. Однажды Ирина Ивановна, которая по-прежнему оставалась рядом, сказала:

– Алина, ты моешь полы в танцевальной студии, а не хочешь сама научиться?

– Это интересно, но я уже старая для танцев.

– Не смей меня! Тебе всего двадцать восемь лет. Ты еще раз замуж выйдешь и детей родишь. Когда ты себя в старушки записала? – она схватила Алину за руку и потащила к зеркалу. – Посмотри на себя! Волосы тусклые, макияж не делаешь. Ходишь, как монашенка, в длинной юбке. Кто на тебя такую посмотрит? Недостаточно избавиться от козла мужа. Надо в характере что-то изменить, чтобы новым человеком стать.

Алина смотрела на свое отражение и неожиданно согласилась с Ириной Ивановной. Где та яркая, смешливая девчонка, за которой бегали одноклассники? Муж будто все соки из нее выпил. Сделал пугливой и постоянно сомневающейся в себе особой. Сволочь! Как он умудрился сформировать у нее такой комплекс неполноценности!

– А что! – с вызовом глядя на себя в зеркало, ответила Алина. – Я попробую.

Она стала приходить в студию за час до уборки и старательно повторяла движения танцоров. Неожиданно поняла, что ей очень нравится. Сначала она чувствовала себя скованно, а потом пришла уверенность. Алина познакомилась с веселыми студийцами и с удивлением узнала, что они все примерно ее возраста. Но, глядя на их молодые и сияющие лица, Алина совершенно не ассоциировала себя с ними.

Однажды она оттачивала танцевальные па вальса с Костиком, игривым молодым человеком, делавшим комплименты всем девушкам в студии. Он держал руку на талии Алины и во время танца прижал ее более крепко, чем требовалось. Она вдруг ощутила такой прилив эмоций, что испугалась. Скинув руки партнера, Алина убежала в подсобку и пять минут справлялась с нахлынувшими чувствами.

– Этот поросенок что-то тебе неприятное сделал? – спросила Виктория Алексеевна, которая пришла вслед за ней. – Не обращай внимания. Он ловелас. Будет говорить комплименты, подмигивать, но до открытого приставания не дойдет.

– Нет. Костик тут ни при чем. Дело во мне. Я не ожидала, что так испугаюсь тесного контакта с мужчиной.

– Досталось тебе, видимо, в жизни немало, раз так мужиков боишься, – посочувствовала ей хозяйка зала. Она наклонилась, уже приготовилась обнять, но потом остановилась и лишь потрепала по плечу. – Борись со страхами. Нахалам надо научиться давать отпор. Иначе всю жизнь проживешь бессловесной самкой, емкостью для размножения.

– Я борюсь. Во всяком случае стараюсь. Это временно, сейчас пройдет.

Алина посидела еще пять минут, справилась с дрожью в руках и вышла в зал. Растерянный Костик так и стоял посередине, не понимая, чем вызвана реакция партнерши.

– Все нормально, – успокоила его Алина, – это мои тараканы в голове вдруг напомнили о себе. Давай танцевать.

Костик несмело положил руку ей на талию и мягко повел в танце. Он был настолько хорош, что Алина закрыла глаза и на секунду отключилась от реальности.

– Что этому мужику надо? – услышала она бормотание Костики и открыла глаза, перевела взгляд и остолбенела: сквозь стекло витринного окна на нее смотрел муж.

Алина закричала. Костик вздрогнул и отпустил ее талию. Она испуганно огляделась. Зажала рот руками и побежала опять в подсобное помещение. Что было дальше, ей рассказала Виктория Алексеевна.

– Костик, напуганный твоей реакцией, не растерялся. Он выскочил на улицу, но этот мужик сбежал. Кто это был?

– Мой муж, – тихо ответила Алина, – я с ним развожусь, и через неделю суд.

– О, как! И что ему сейчас от тебя надо?

– Он очень мстительный человек. так просто меня не отпустит. Я удивлялась, что три недели было затишье. Расслабилась, дура. Танцам начала учиться.

– А когда суд?

– Через пять дней.

– Вы уже договорились, с кем останутся дети?

– Нет. Это меня и волнует. Я не знаю, что он выкинет еще. Но девочками всегда занималась я. Работа теперь у меня есть, пусть непрофессиональная, но все же работа, которая приносит доход. Нет недостатка, как раньше, но и не бедствуем. Не может же суд оставить детей отцу, который всегда в командировках?

– Ну, не знаю. Но ты держись. Если надо, я выступлю свидетелем в твою пользу.

– Спасибо большое, Виктория Алексеевна. Но, кажется, при бракоразводном процессе свидетели не нужны.

Эти пять дней стали постоянной болью для Алины. Она перестала спать: неизвестность мучила ее ночами, а когда забывалась тревожным сном, снились кошмары. Мало того, что Виктор так и не дал согласие на то, чтобы дети остались с ней, он еще все время находился позади нее. Она вела Настеньку в школу, он следовал за ними. Она гуляла с Катей, он маячил за забором на глазах у дочери. Бедная малышка, не разбирающаяся в играх взрослых, бежала к любимому папочке, а тот радовал ее подарками.

Он звонил по телефону, встречал у подъезда, караулил под дверью съемной квартиры. Алина шла на работу, он стоял у окна и наблюдал за танцорами. Он не ругался, не требовал, чтобы она вернулась домой. Он напоминал stalkера, который методично, по плану, преследует свою жертву, но держится на расстоянии. Она даже в полицию пожаловаться не могла: нарушения закона нет.

На третий день Виктория Алексеевна вышла на улицу и пригрозила ему полицией. Он усмехнулся и ответил:

– Я хочу поговорить со своей женой. Что на это полиция мне сделает? Я простой прохожий, остановился перед студией полюбоваться танцами. Если не хотите внимания, повесьте жалюзи.

На такой дерзкий выпад хореограф не нашла что сказать и оставила его в покое, так как формально он прав.

– Да, сложный человек твой муж. А внешне выглядит так презентабельно. Симпатичный человек.

– Вот я и повелась на его престижную работу и хорошие манеры. А оказалось... – Алина махнула в отчаянье рукой. – Ничего, два дня осталось. Как-нибудь продержусь.

После работы она возвращалась перебежками от дома к дому. Вспомнила то противное ощущение загнанного зверя.

Вот опять. Прислушалась. Сзади шаги. Алина испуганно оглянулась и, как настоящий шпион, забежала в маленький магазинчик. Постояла у двери, разглядывая улицу. Никого. Вдохнула, повернулась к прилавку и поймала недоуменный взгляд продавщицы. Купила у нее хлеб и молоко, хотя не нуждалась: днем уже ходила в магазин, и повернулась к выходу. Муж стоял прямо перед дверью и серьезно смотрел на нее.

Алина прижалась к прилавку. В груди все затряслось от страха. Оглянулась. Продавщица смотрит внимательно, не понимая, что это покупательница застряла в магазине. Алина сделала два шага к выходу. «Ну, не будет же он приставать ко мне на глазах у посторонних!» Она смело открыла дверь, шагнула на тротуар и попыталась обойти мужа, но не тут-то было. Виктор схватил ее за руку.

– Алина, давай поговорим, я не хочу ругаться.

– Отпусти меня, – прошипела она и дернула руку, но муж только крепче ее сжал, – я тебя раньше просила, ты меня не слушал. Теперь я тебя слушать не буду.

– Не упрямься. Подумай, девочки соскучились, и я по ним. Я не поддонок. Ну, бывает, заносит меня. Каюсь! Сам себя потом ненавижу. Пойдем на скамейке посидим, – он потащил ее в маленький скверик, расположенный рядом. Алина не сопротивлялась. Действительно, поговорить надо.

Она понимала, что когда-то этот разговор случится. Время пришло. В душе тайно надеялась, что, может, удастся расстаться мирно. Девочки и вправду скучали по отцу. Даже Настенька, которая была больше привязана к ней, несколько раз спросила, когда они вернутся к папе.

– Я тебя слушаю, – сказала она, не глядя на мужа, когда они сели.

– Вернись домой. Клянусь, пальцем больше тебя не трону, – взмолился Виктор.

Алина недоверчиво покосилась на него: в честь какой радости он такой послушный? Но муж сидел с серьезным лицом и, казалось, говорил от души. Она даже немного засомневалась. Ее решимость, разрубить все концы, пошатнулась. Были у них в жизни не только плохие моменты, но и хорошие. Да и руки он не так уж часто распускал. Может, и сама виновата в каких-то ситуациях. У многих женщин такой брак. Да и где их взять, принцев?

Она сразу вспомнила рассказы подруг о своих благоверных. Вернее не подруг, а жен сослуживцев мужа. Один изменяет, другой – фанат рыбалки, все выходные у озера сидит, третий лентяй, руки не из того места растут. Ее Виктор хоть и поколачивал, но в доме все делал сам и на других женщин не смотрел. В каждой семье есть трудности. Даже Лев Толстой писал в «Анне Карениной», что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Алина помолчала. Она кончиком ботинка катала по выпавшему сегодня снегу обломок ветки и мучительно собиралась с духом.

– Витя, если мы расстанемся по-хорошему, тогда и с девочками будешь видаться по-прежнему. Я думаю, нам пора пойти каждому своей дорогой, – наконец пробормотала она и сжалась, ожидая ответа.

– Это кто так решил? – тихо спросил он.

– Наш брак изжил себя. Мы и так строили его неправильно. Ты начал с насилия, я не хотела выходить замуж, но забеременела. Потом родственники вмешались, надавили. Разве так семьи создаются? – ответила она, не услышав его голоса угрозу.

– Но я не хочу разводиться! – с нажимом произнес муж. – Подумай, у меня возникнут сложности на работе, да и тебе пойти некуда. Вряд ли ты к маме в деревню вернешься.

Муж говорил спокойно, но какое-то напряжение все же чувствовалось в голосе. Алина покосилась на него: Виктор сидел с каменным лицом. По скулам гуляли желваки. Губы сжались и превратились в тоненькую ниточку. Она сместила взгляд и замерла. Он сидел прямо и упирался в скамейку кулаками, сжатыми так, что костяшки пальцев побелели. Страх захлестнул сознание. Бежать! Спасаться! Так муж выглядел всегда перед тем, как ударить.

– Витя, пожалуйста, – едва слышно пролепетала она и подняла руку, будто защищаясь, – давай разойдемся мирно.

– Ну, давай, – сцепив зубы, выдавил он и резко встал. Он потянулся, похрустел пальцами и сжал их в кулак.

Алина вскочила, втянула голову в плечи, ожидая удара, а потом рванула по дорожке в сторону освещенной улицы. Муж догнал одним прыжком, дернул за шиворот к себе, придвинул лицо и рывкнул прямо в распахнутый от ужаса рот:

– Вперед! Не рассчитывай, дорогая, что так просто от меня отвяжешься! – он потряс Алину, как котенка, и отшвырнул в кусты. Плюнул и размашисто зашагал к проспекту. Уже на выходе из сквера развернулся, и снова пошел навстречу. Сердце ухнуло в пятки. Дыхание остановилось. Алина сжалась, поползла на коленях и спряталась за скамейку, как будто она поможет от разъяренного сильного мужчины. Виктор остановился, покрутил виска пальцем, потом махнул рукой и ушел.

Она еще немного посидела в снегу. Размазывая слезы по лицу, думала, какую гадость надо еще ждать от мужа. Страшная мысль обожгла сознание: Если бы он еще немного надавил на нее, она бы согласилась и опять оказалась бы в ловушке. «Господи! Какое счастье, что ты не наделил его терпением!» Алина встала и побежала к дому.

Утром, прежде чем выйти на прогулку с Катей, она выглянула во двор: никого поблизости нет. Отвела дочку на площадку, а сама нервно посматривала по сторонам. Час прошел спокойно. «Остался один день», – повторяла она без конца и поглядывала на циферблат, подгоняя время.

Вечером завела к Ирине Ивановне Катю и повезла Настю на танцы. Сегодня она решила выйти пораньше, чтобы быстро вымыть пол в зале, потом забрать дочь и лечь спать: надо отдохнуть перед тяжелым днем и набраться сил.

Закончив дела, она поехала за Настей. Дочка обычно сама одевалась и ждала ее у входа. Алина всегда видела ее, когда подъезжала к автобусной остановке. Настя говорила, что и сама может проехать три остановки до дому, но Алина боялась отпускать вечером ребенка одного и требовала, чтобы дочь ее ждала.

Сегодня вечером Насти у входа не было. «Странно, неужели нарушила запрет?» Алина посмотрела на часы: не опоздала. «Наверное, еще идут занятия», – обрадовалась она и зашла в здание детской хореографической школы. Холл встретил звонкой тишиной. Ни музыки, ни детских голосов слышно не было. Волнение спазмом сжало горло. Алина бросилась в зал – пустота. Дернула одну дверь, другую – закрыто. В панике она заметалась по всему этажу, пока ее не остановил охранник.

– Женщина, что вы ищете?

– Дочка. Настя... Она танцами занимается... – всхлипывала Алина.

– Кружок уже не работает. Детей забрали родители.

– Как? Я... мать! – крикнула Алина. – Я пришла за своей дочкой, а ее нет.

– Женщина, не истерите! – остановил ее рукой охранник. – Разберемся. Он куда-то позвонил, и прибежала хореограф, у которой училась Настя.

– Где дочь? – накинулась на нее Алина.

– Дома, наверное, – растерялась девушка, – папа пришел за ней.

Видимо, Алина смотрела на нее с таким ужасом в глазах, что девушка испугалась, подхватила ее под руку, посадила на диван и куда-то убежала. Она вернулась с аптечкой. Охранник услужливо протянул стакан с водой, и в холле запахло корвалолом.

– А вас папа Насти не предупредил? Мне он сказал: вы сами попросили его забрать дочку.

– Сволочь, вот сволочь, – тяжело дышала Алина между глотками. – Какая сволочь!

– Простите меня, я не знала, что папе нельзя отдать ребенка, – растеряннo лепетала девушка.

Алина вернула ей стакан и побежала к выходу. «Надо спасти Настю!» – больше ни о чем она не могла сейчас думать. Она бросилась к остановке. А маршрутке набрала номер мужа – короткие гудки. Набрала снова – то же самое.

Приехав, бросилась к Ирине Ивановне. Влетела в квартиру с криками:

– Звоните Станиславу Сергеевичу! Виктор Настю украл!

– Мама, я здесь, – выбежала из комнаты дочь.

Алина бросилась на колени, обняла ребенка и истерично разрыдалась. За ней расплакались и дети. Мать и дочери сидела на полу, голова к голове, а Ирина Ивановна гладила их по волосам, приговаривая:

– Бедняжки вы мои, горемычные.

* * *

На следующий день был суд. Несчастливая Алина узнала, что муж подал заявление на опеку над детьми, мотивируя тем, что мать не имеет профессии, своего жилья, постоянного и солидного заработка. Доводы Алины, что трудности временные и скоро все наладится, что Виктор постоянно находится в командировках и не сможет заниматься детьми, на улыбочивого судью не подействовали.

Да и что он видел перед собой? Вежливый и обходительный легчик, позвякивая наградами, нежно воркует с дочками. А в соседнем ряду одиноко сидит измотанная, с темными кругами под глазами женщина, по внешнему облику старше мужа лет на десять, небрежно одетая в старые джинсы и куртку. Перевес явно не в пользу Алины.

Вместе с Виктором на заседание пришла его мама, которая специально приехала из Крыма, чтобы поддержать сына. Она заявила, что готова присматривать за внуками, пока родители не решат свои проблемы. Судья долго не размышлял: он удовлетворил просьбу отца, тем более что младшая дочь не отпускала его руку ни на минуту.

Алина, измотанная и опустошенная, глотала слезы и только повторяла:

– Дети... пожалуйста, дети...

Она встала, чтобы позвать девочек к себе, но пошатнулась, голова закружилась, и она провалилась во тьму.

Глава 11

Красота – страшная сила

Карлос растерянно посмотрел на жену, с равнодушным видом прошедшую мимо. Она была не одна. Рядом семенил коротышка, который весело хихикал какой-то шутке Мадлен, и его тугой живот подрагивал от смеха. Именно эту пару он видел у входа. То-то облик женщины еще тогда показался знакомым.

Не обращая внимания на охранников, Карлос рванулся следом. Он успел сделать два шага и схватить Мадлен за руку, как его остановили. Ничего не понимающая женщина, услышав шум за спиной, обернулась. Она удивленно посмотрела на охранников, потом перевела взгляд на Карлоса. Узнала. Брови поехали вверх, глаза расширились, забегали, и в них заплескалась паника, потом мелькнул страх.

Кавалер тоже недоуменно оглянулся: кто там мешает его даме.

– Отпустите, – сказал секьюрити Карлос, – это моя жена.

Но те не поверили и крепко держали его за руки. Смешанные чувства сейчас владели душой Карлоса. С одной стороны, удивление. Он никак не ожидал увидеть здесь, в горах, Мадлен, которая категорически отказывалась даже в гости приезжать.

С другой, – злость. Что она здесь делает? Как посмела, не успев выпроводить мужа из дома, завести себе кавалера, да такого ничтожного?

С третьей, – ревность. Откуда появился этот ухажер? Как она променяла его, Карлоса, нормального, сексуального и небедного мужика, на этого старого недоростка?

Мадлен схватила мужа за руку и потащила к стене.

– Дорогой, я так рада тебя встретить! – звонко защелкала она и кивнула охранникам, чтобы они отпустили Карлоса. Но как только она оказалась вблизи, зло прошипела на ухо. – Не устраивай сцену! Здесь не место. Дома поговорим.

Вдруг за спиной засуетились секьюрити. Здоровяк прижал Карлоса к стене, а другой охранник вежливо проводил Мадлен к ее спутнику. Карлос хотел крикнуть, но жена махнула ладошкой, подхватила кавалера и снова исчезла в лифте. Он только успел заметить серебристое платье, змейкой мелькнувшее в прорези дверей.

– Пустите меня! – выдернул он руку. – Я не понял, почему мне не дали поговорить с моей женой? Что это за правила такие?

Но его продолжали удерживать у стены и не реагировали на возмещение.

– Мужик, не бушуй. Сейчас отпустим. Постой немного здесь, – вдруг тихо сказал ему здоровяк, поднял пиджак, все еще валявшийся под ногами, встряхнул его и накинул Карлосу на плечи. Из кармана вылетел чек, мягко спланировал и остался лежать на полу, синей надписью сверху.

– А что случилось? – все еще не понимал Карлос, но охранник молча ткнул его в бок и прижал к стене.

Карлос поднял голову...

Этот момент он запомнил на всю жизнь.

От входа по холлу шли они.

Группа девушек в вечерних платьях, окруженная мужчинами в черной одежде. Мир будто замер вокруг. Замолчала музыка, перестал стучать вилками и бокалами ресторан, застыли в напряженных позах люди. Любопытные взгляды были направлены на красавиц.

Они казались букетом экзотических цветов в черной упаковке. Эфемерными созданиями, внезапно попавшими на землю из другого мира. Тоненькие, невероятно стройные. Совершенно не похожие на тощих моделей, которые идут по подиуму, переплетая ноги, чтобы скрыть

кривизну костей. Эти девушки не шли, а плыли на воздушной подушке по холлу к лифтам. Так ходят феи, волшебницы, богини и... ведьмы, способные околдовать людей вокруг.

Впереди шла роскошная блондинка. Длинные волосы колыхались за спиной в такт шагам. Ярко-красное платье пылало на белоснежной коже. Свет люстр падал на нее сверху, а наполненные бра озаряли снизу, и Карлосу вдруг показалось, что девушка обнажена. Он четко видел контур ее потрясающей фигуры, темные ореолы вокруг напрягшихся сосков. При каждом развороте бедра, мелькавшего в глубоком разрезе, в ложбинке между ног появлялся светлый треугольник. Карлос понимал, что это его фантазия: на ее теле, скорее всего, вообще нет никаких волос, но он не мог избавиться от наваждения.

Появление девушек было настолько эффектным, что Карлос почувствовал себя участником съемок фантастического фильма об инопланетянах.

Когда блондинка приблизилась, Карлос пережил еще один шок. Она наступила на чек, бросила вниз взгляд и элегантно присела. Красное платье разошлось на обнаженном бедре, а потом сомкнулось, когда девушка встала. Он взял чек в руки, покрутила. Потом посмотрела на надпись и, взмахнув ресницами, на Карлоса таким синими глазами, что никогда не бывает в природе.

Она сделала шаг навстречу Карлосу – охранники напряглись. Но красавица всего лишь вложила чек в пальцы сломанной руки и слегка их пожала. Она улыбнулась, показав ряд ровных жемчужных зубов, кивнула подругам, и они вошли в вызванный для них лифт. Еще раз мелькнула синева глаз, двери закрылись, и очарование исчезло.

Охранники отпустили Карлоса, и он побрел в ресторан. Дядя уже волновался.

– Куда ты пропал? – с ходу накинулся он на племянника и тут же восторженно спросил. – Видел их? Правда, нереально роскошные?

Обессиленный Карлос сел на стул. Он посмотрел на ладонь, все еще сжимавшую чек, но мыслей в голове не было. Дядя засмеялся:

– Как хорошо, что я старый. Но даже у меня шевеление внизу начинается, когда я вижу такую красоту. А ты как? Возбудился? – он захихикал, довольный своей шутке и налил племяннику бокал вина. – Выпей, дорогой, легче станет.

Карлос залпом выпил вино и снова налил себе. Может, оттого, что держал бутылку левой рукой, пальцы у него дрожали.

– Ты посмотри на зал, что видишь? – не успокаивался дядя. – Каждый раз одна и та же картина: после встречи с ними все мужчины хватают бутылку, а женщины сидят с недовольным лицом.

Карлос обвел взглядом зал, сконцентрировал внимание на словах дяди и наконец пришел в себя. Когда он ехал на горнолыжный курорт, то не предполагал, что переживет такое потрясение. Сейчас он даже не знал, что его больше удивило: внезапное появление и исчезновение жены, или невероятной, неземной красоты девушки.

Вспоминая встречу с ними, он понял, на кого они были похожи. Манекены. Очень дорогие и качественно сделанные куклы. Только у них могут быть такие яркие глаза, ровные зубы и гладкая кожа. Живые манекены, созданные по чьей-то безумной прихоти.

– Дядя, ты считаешь, что эти девушки реальны? – неожиданно вырвался вопрос.

– Конечно, – засмеялся дядя, – а ты что думал, они роботы? Нет. Просто в этой группе собраны лучшие образцы женской красоты. Мне кажется, они мисс каких-то стран, не иначе.

– А ты никогда не задумывался, вдруг их красота искусственная?

– Конечно. Девушки ухаживают за собой. Это сразу видно, – засмеялся дядя.

– Я не о том говорю. Вмешательство пластической хирургии налицо. У блондинки фарфоровая кожа и синие глаза. У кореянки или китайки, не знаю, не разглядел, – медовая и такая гладкая, будто на барабан натянута, а глаза яркие, шоколадные. Кожа негритянки, как

шелк переливается, и смотрит она черным взглядом, будто прожигает насквозь. В их лицах все слишком идеально и прекрасно, чтобы казалось природным.

– Ну, не знаю, – протянул сомнительно дядя, – ладно тебе. Ой, а ты рыжую разглядел? У нее какого цвета глаза?

– Рыжую я не заметил. Блондинка будто околдовала. Интересно, кто она? Из какой страны?

– Не знаю. Домой будем собираться или еще посидим?

– Давай посидим. А девушки обратно когда пойдут? – гнул свою линию Карлос.

– Вряд ли до утра появятся. Я думаю, их привозят по заказу.

– Значит, эскорт.

– А это что за штука?

Карлос посмотрел на дядю и промолчал. Ему неловко было объяснять старику, что женский эскорт – это сопровождение богатых мужчин за деньги с соответствующими последствиями. Попросту – узаконенная проституция.

«А Мадлен? Что делала здесь моя жена? Мы поссорились, и она осталась в Барселоне. Она что, восприняла временное расставание как полную свободу? Мы, кажется, не планировали расходиться. Просто решили год пожить порознь». Мысли крутились одна за другой, измучили Карлоса так, что он не заметил, как выпил бутылку вина. Нужно возвращаться, Ремей наверняка не спит, ждет сына, но как заставить себя встать, если знаешь, что там, наверно, твоя жена развлекается со Шреком!

– Карлос, – тронул его за руку Милен, уже поздно. Поехали домой.

– Сейчас. Я подумаю, – качал туманной головой Карлос. Он сидел молча, сжимая и разжимая чек, который все еще держал в пальцах правой руки, и неожиданно попросил. – Дядя, познакомь меня с хозяином бара.

– Зачем тебе? На девчонок запал? Так это зря. Это не его бизнес. Хозяин отеля, или как теперь модно называть, отельер, другой человек. Он здесь редко появляется, живет, говорят, в Мадриде.

– Все равно. Познакомь.

– Ну, пошли. Милен тяжело поднялся и, опираясь на трость, захромал к бару. Карлос направился за ним.

Сына Сильвио, высокого человека примерно тридцати лет с нервными глазами, звали Алехандро. Он поздоровался за руку и предложил выпить кофе за барной стойкой. Милен отказался: было уже слишком поздно. Мужчины разговорились. Хмельной звон в голове немного развеялся. Беседуя с Алехандро, Карлос успокоился и привел мысли в порядок.

– Я удивлен. Не ожидал увидеть здесь много людей! Почему это место так популярно?

– Ну, – уклончиво начал отвечать Алехандро, – необычное расположение, прекрасный вид, хорошая, изысканная еда...

– Слушай, – перебил его Карлос. Вино развязало язык, а пережитые потрясения сделали дерзким даже такого уравновешенного человека, как он. – Все, что ты сейчас перечислил, есть в любом горнолыжном курорте. Поверь, если ты остановишься на ночь в моем отеле, тоже получишь отличный вид на горы и великолепную еду. Нет ущелья, согласен, но не думаю, что из-за него такой ажиотаж.

Он наблюдал за Алехандро и видел, что тому не нравятся эти вопросы. Его руки без остановки протирали бокалы, поверхность стойки, наливали напитки гостям, но при этом он не смотрел в глаза собеседнику. Чувствовалось: он не хочет делиться информацией с незнакомыми людьми.

– А как можно попасть в отель? – напрямую спросил он бармена.

– Если только заказать номер.

– Хорошо, если я сейчас закажу номер, я смогу его получить?

Глаза Алехандро опять забегали. Он быстро сместился в другой конец стойки, якобы наполнить стакан посетителю, но Карлос видел, что это просто предлог, нежелание с ним общаться. Наконец он вернулся к гостям. На его молчаливый вопрос ответил:

– Снять номер в отеле непросто. Нужна рекомендация от хозяина.

– А ты можешь мне ее устроить? Поручись за меня. Уж очень любопытно, как все внутри устроено и почему так секретно.

– Я постараюсь, но ничего не обещаю. Мы, сотрудники, тоже не бываем на верхних этажах. Я ограничиваюсь своей работой и не лезу в чужие дела, – Алехандро поднял голову, посмотрел прямо в глаза Карлосу и с нажимом произнес, – и тебе не советую.

Сказать так Карлосу, это все равно, что помахать красной тряпкой под носом у быка. Слова Алехандро только распалили его любопытство, но добиться от хозяина бара ничего не удалось, и Карлос вернулся за свой столик. Он видел, что дядя устал, но не мог уехать, не выяснив, где жена. Милен сидел на стуле и по-старчески клевал носом. Надо возвращаться.

Карлос встал, потянулся и огляделся: он не заметил, как ресторан опустел. Гости разбрелись кто куда, а часть из них уже уехала. Он повернулся к Милену и хотел потрепать того по плечу, как вдруг увидел Мадлен. Она, оглядываясь, быстро шла через холл. За ней семенил коротышка, потряхивая животом.

Карлос забыл про дядю. Он выбежал из ресторана, по дороге потеряв пиджак, и направился за женой.

– Мадлен! – крикнул он.

Жена обернулась и еще больше заспешила к выходу. Водитель открыл дверцу автомобиля, пара проворно забралась внутрь и тронулась в путь.

– Быстро, машину! – крикнул Карлос пареньку.

Он видел, как автомобиль с женой уже пересек площадь перед отелем и поворачивает на узкую, слабо освещенную, дорогу, поднимающуюся из ущелья. Водитель оказался проворным. Он подогнал машину, открыл дверь для Карлоса, но тут увидел загипсованную руку.

– Синьор, как вы поведете? – крикнул он вслед, но Карлос его не слушал.

В голове шумело одно: догнать жену, перехватить, разобраться. Он крутил руль левой рукой, а пальцы правой, почти бесполезной, положил на рукоятку коробки передач. Он забыл, что в раритетном Мерседесе нет автомата. Боль, пронзившая руку, когда он первый раз переключил скорость, не остановила его, а еще больше разозлила. Что за детские игры устроила жена? Почему нельзя спокойно поговорить, не доводя ситуацию до абсурда?

Через минуту Карлос свернул на узкую дорогу. Впереди мелькали габариты другой машины. Ему показалось, что расстояние небольшое, поэтому он надавил на газ. Узкую трассу намеренно покрыли не ровным асфальтом, а бетонными плитами, чтобы ограничить скорость передвижения. Машина карабкалась по ним, подпрыгивая на каждом шве, но постепенно нагоняла беглецов. Когда до их автомобиля осталось около пятидесяти метров, они заметили погоню и прибавили ходу.

Устраивать гонки по серпантину в машине с открытым верхом не самое разумное дело. Карлос это понял сразу, но ему было все равно. Он нажал кнопку, запускающую механизм, закрывающий крышу, и сосредоточился на шоссе и вождении. Луч фар рассекал темноту, высвечивал то дорожные указатели, то жмущиеся к горе кусты, но Карлос смотрел только вперед. Сейчас он был одним целым с дядюшкиным старым Мерседесом. Только габаритные огни удирающего автомобиля интересовали его в этот момент.

Если бы он был чуть менее зол и менее пьян, владел одинаково обеими руками, ничего бы не случилось. Отделался бы, наверное, легким испугом. Но...

Карлос не заметил вовремя указатель крутого поворота. Когда он повернул, фары встречного автомобиля ослепили его внезапно. Выпитое вино замедлило реакцию, он резко взял руль вправо, но опоздал на долю секунды. Ему удалось избежать лобового столкновения: встреч-

ная Тойота испуганно метнулась в сторону, прижалась к горе и чиркнула по борту Мерседеса боковым зеркалом. Однако непослушные пальцы в критический момент соскользнули с ручки коробки передач, автомобиль вильнул и стал заваливаться в пропасть.

Он еще помнил, как машина затормозила у низкого ограждения. Как перевалилась на склон и два раза перевернулась. Как осколки бокового стекла брызнули в кабину и мелкой россыпью впились в лицо. Его голова моталась по сторонам, ударяясь то о край двери, то устремляясь вперед, то назад. Ремень больно вдавился в грудь и не давал дышать.

Последней картинкой затухающего сознания стало кривое дерево, появившееся на пути падения автомобиля. А дальше тьма...

Глава 12

Новая жизнь, новые планы

Алина две недели провела в больнице. Диагноз неутешительный: нервное истощение и хроническая усталость. Она не могла ни есть, ни пить, ни спать. Врачи ее поили несколько дней сильными седативными препаратами.

Когда она пришла в себя, первое, что спросила, где дети. Но медики были не в курсе ее проблем, поэтому ничего не ответили. Тогда она выдернула иглу из вены и попыталась встать, но упала. Перепуганные соседки по палате позвали медсестру, а та врача, невысокого бородача с абсолютно лысой головой и бородкой клинышком.

– Милочка, если ты будешь так себя вести, – с места в карьер начал доктор, постукивая себя молоточком по колену, – придется положить тебя в отдельную палату и запереть дверь.

– У меня дети. Дочки. Восьми и пяти лет. Мне домой надо, – всхлипывала Алина, – я не могу здесь лежать.

– Что, совсем некому присмотреть за детьми?

– Нет. Мы живем на съемной квартире.

– Хорошо, – нахмурил брови доктор, я подумаю, как нам дальше быть. А пока, давай, милочка, капельницу на место поставим. Чем скорее ты поправишься, тем скорее пойдешь домой.

Приговаривая так, он кивнул медсестре, и та ловко воткнула иглу назад в вену. Что они ей вводили, Алина не знала, но, когда в следующий раз она открыла глаза, она лежала в отдельной палате, а рядом сидела Ирина Ивановна.

Увидев, что подопечная открыла глаза, она погладила ее по руке, а потом отвернулась и смахнула с глаза слезу.

Алина обрадовалась доброй дворничихе, бросилась к ней в объятья, и женщины расплакались.

– Ирина Ивановна, как дети? – наконец смогла выговорить Алина. – Вы не бойтесь, я все помню. Он увез их уже к матери?

– Горемычная, ты моя, девочка. Как мне тебя жалко! – всхлипывала Ирина Ивановна.

– Не томите, скажите правду, – умоляла Алина. Она села на кровати, но еще была так слаба, что завалилась набок.

– Да, увез. Уже неделю, как они уехали. Я расспросила ваших соседей. Уезжали спокойно, только Настенька спрашивала, правда, когда мама придет. Не переживай, бабушка их любит. Это сразу видно. Твои девочки будут в порядке.

– Ирина Ивановна! – воскликнула Алина. – Но это несправедливо! Я не знала, что он поступит так подло. Даже не обсудил со мной свои действия.

– Вот такой он паразит. Мне нечем тебя успокоить, – развела руками пожилая женщина.

– А судья? Куда смотрел судья? Разве он не должен был дать еще месяц? Мы же не достигли соглашения, значит, развод должны были отложить на месяц, – опять расплакалась Алина.

– Я не знаю, почему так вышло. Ты упала в обморок в зале суда, вызвали скорую. Некому было опротестовать это решение: ты в больнице, а я никто. Не имею юридической силы.

– А Станислав Сергеевич?

– А он, как специально, в командировку на Кавказ уехал. Там опять какая-то заварушка началась. Я тоже не смогла ничего сделать. Так судьба повернулась, что поделаешь.

Алина вернулась в съемную квартиру, но жить там не смогла: везде лежали вещи девочек, их игрушки, одежда, книжки, альбомы и карандаши. Как только она случайно натыкалась на

очередного мишку, бросалась на диван и начинала плакать. Ирина Ивановна забрала ее к себе. Лечила любовью, травками и Мурзиком. Кот, будто понимая, что его тепло и массаж мягкими лапками нужен несчастной женщине, старался из всех сил.

Через месяц Алина понемногу пришла в себя. Стала выходить на улицу, в магазин. Один раз даже решилась и отправилась на старую квартиру. Но ключ не повернулся: видимо, Виктор сменил замок. Она пошла к соседке бабе Клаве. Та не очень охотно, но рассказала, что Виктор улетел в длительную командировку на север.

Алина сходила и в суд, чтобы узнать адрес свекрови. Судья оказался в отпуске. Это зимой-то! Алина, естественно, не поверила, но бдительные сотрудники не пошли ей навстречу и информацию не дали. Она хотела рвануть сама в Крым, но это было все равно, что на деревню к бабушке ехать. Алина не знала, где живет свекровь, которая совсем недавно переехала туда из Москвы.

Она позвонила бывшим подружкам, но те разговаривали неохотно. Ссылались на занятость и клали трубку. Одна вообще грубо сказала:

– Алина, ты сама виновата. Жила, как у попа за пазухой, горя не знала. Зачем подняла такую бучу? Подумаешь, пару раз получила оплеуху. В каждой семье случаются такие моменты. Мне тебя жалко, но помочь ничем не могу. Сама теперь разбирайся со своими делами. Я думаю, девочкам лучше будет с отцом, чем с такой безответственной матерью.

Круг замкнулся. Осталось два варианта: ждать, пока приедет Станислав Сергеевич или прилетит Виктор.

– Ирина Ивановна, а если я пойду к командиру части? – решила Алина.

– Сходи. Может, тебя к нему пропустят, а может, и нет. Да и что ты ему скажешь? Муж дерьмовый? Так он все равно на его сторону встанет. Если подружки от тебя отвернулись, мать почти не звонит, ты думаешь, командир поможет? Да он из мужской солидарности встанет на сторону Виктора. У твоего мужа проблемы были на работе?

– Нет, что вы. Летчик он как раз опытный. Его на самые трудные задания посылают.

– Вот видишь. Подожди, пока Стасик не приедет. Он что-нибудь придумает.

Но время шло, а Станислав Сергеевич не возвращался. Через месяц пришло печальное известие: его тяжело ранили в очередной стычке с бандитами и он скончался в госпитале, не приходя в сознание. Это известие убило Алину, которая все надежды связала именно с благородным полицейским. Тяжело приняла гибель соседа и Ирина Ивановна. Он для нее стал опорой и надеждой во многих вопросах. Женщина сразу как-то состарилась, сникла, будто потеряла боевой дух.

Женщины, каждая по-своему, переживали горе, но по-прежнему по утрам выходили на уборку снега. Только со студентами Алина бороться перестала. Своя жизнь разрушена, зачем в чужую лезть.

– Слушай! – как-то вечером озарило Ирину Ивановну. Они сидели в кухне и пили чай. – Плюнь на все. Не ходи, не унижайся перед теми, кто слезинки твоей не стоит. Бери жизнь в руки сама. «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», – слышала такое выражение.

– Да, – кивнула грустно Алина, занятая мыслями.

– Почему бы тебе не вернуться в танцевальный зал. Я недавно проходила мимо, у них висит объявление на стекле.

Алина заинтересованно подняла голову.

– Да, мне там нравилось, – улыбнулась она, вспомнив вальсовые па и Костика, который прижимал слишком активно.

– Ты меня не поняла. Я не о работе толкую. Иди, учись танцам. Это тебе даст уверенность в себе. Знаешь, откуда у людей появляются комплексы? – ударилась Ирина Ивановна в философию.

– Нет, не знаю.

– Комплекс появляется тогда, когда человек ничего не умеет, ничем не владеет. В любой компании он чувствует себя неловко, так как не конкурент другими.

– А зачем мне соревноваться?

– Вот глупая! Скажи, почему тебя подружки отфутболили? Потому что ты ноль, пустое место. С тобой можно не считаться, тебя можно не уважать. Ты тупая домохозяйка. Кроме уборки, детей и готовки в жизни ничего не видела. Вспомни, какая ты бойкая в юности была. Вспомни! Ты же мне рассказывала.

– Неправда, – обиделась Алина. – У меня профессия есть, я читать люблю. В школе способности к языкам обнаружили. Я даже олимпиаду по английскому выиграла, районный этап.

– А чего только районный? – съехидничала Ирина Ивановна.

– Некому было в город отвезти, а одну мама не пустила, – с вызовом ответила Алина.

– А ты настоять не могла? Нет, дорогая моя, в тебе силы характера. Сама виновата, что в таком жизненном переплете оказалась.

– А что делать? Такая я, бестолковая, – обиженно отвернулась Алина и встала, чтобы прекратить бессмысленный разговор.

– Куда собралась? – остановила ее Ирина Ивановна. – Вот ты так всегда! Убегаешь от проблем, вместо того, чтобы их решать. Я тебе и советую вспомнить ту жизнь, из которой тебя замужество вырвало. Когда крепко встанешь на ноги, тогда и с мужем бороться за детей сможешь.

– И что вы предлагаете? Даже если я встану на ноги, это будет всего лишь работа медсестрой в больнице. Зарплата низкая, квартиру на нее не купишь.

– Нет. У меня для тебя интереснее предложение имеется.

– Какое? – Алина уже слушала внимательно.

– Сходи на курсы повышения квалификации и активируй диплом.

– Дальше что?

– Выбери курсы, где обучают по уходу за тяжелыми больными, – увидев вытянутое лицо Алины, Ирина Ивановна прикрикнула на нее. – Не гнушайся сложной и грязной работы! Не гневи Бога! Профессия у тебя такая, помогать людям. Слушай дальше! Так вот. Моя соседка, в квартире которой ты жила, уехала за границу, в Германию, не просто так. Сначала она отправилась туда по работе, ухаживать за тяжелобольной дамой. Познакомилась с ее сыном и вышла за него замуж. Сейчас живет припеваючи и горя не знает. Когда она мне позвонит, я поинтересуюсь, через какое агентство она устраивалась на эту работу.

– Я уже забыла английский язык, – слабо защищалась Алина.

– Вот я тебе и предлагаю заняться собой: пойти учиться танцам, закончить курсы повышения квалификации, вспомнить иностранный язык. Если способности были, значит, все получится.

– Но мне надо работать, я не могу сидеть на вашей шее.

– Работать будешь рано утром. Я уже договорилась, пойдешь дворником в соседний спальный блок. Там четыре дома стоят квадратом. У них недавно работник уволился. Утром почиستی дорожки и пошла по своим делам. А еще, сходи в парикмахерскую, приведи себя в порядок. Береги руки, привыкай работать в перчатках. Начни уже наконец думать о себе!

– А как же девочки?

– За границей хорошо платят. Деньги начнешь откладывать, потом купишь квартиру. Вот тогда и пойдешь в суд подавать заявление на опеку. У судьи не будет повода тебе отказать. Ты мать. И прочно стоишь на ногах!

Как ни сопротивлялась Алина, а Ирина Ивановна настояла на своем.

Жизнь завертелась колесом. Работа, курсы, занятия английским, танцевальная студия. Алина окрепла, повеселела, а тут обнаружила в почтовом ящике письмо от Настеньки и обра-

довалась до слез. Дочка писала, что скучает по маме, но живут они с сестрой у бабушки хорошо. Катеньку даже в специализированный детский садик отдали. На конверте не было обратного адреса, и печати тоже не было. Складывалось впечатление, что кто-то просто положил его в почтовый ящик и все.

Счастливая Алина побежала на старую квартиру. Долго звонила, но никто не открывал дверь. Она вернулась вечером, но в окнах не было света. Потом соседка ей сказала, что Виктор продал квартиру и переехал в другой район города.

– Вот сволочь! – возмутилась Алина, но поняла, что восприняла эту информацию уже спокойно. Она знала, что все равно вернет дочек, пусть немного позже, но вернет.

– Ну, и радуйся, – ответила на ее возмущенные слова Ирина Ивановна. – Не совсем бесовским твой мужик оказался. Наверняка сам письмо принес и в ящик бросил.

Алина стала заниматься с еще удвоенной силой. Видя, что ее наставления привели к такому усердию, Ирина Ивановна опять посадила Алину на кухне и налила ей чай.

– Девка, ты о себе когда думать начнешь? Придется тебя вести в парикмахерскую самой. Ты думаешь, за границей только твои навыки нужны?

Алина кивнула.

– Нет, милая моя. Встречают по одежке и по внешности. Если тебя возьмут компаньонкой к старой даме, то ей замухрышка будет не нужна.

– А что делать тогда?

– Завтра бросай все дела. Идем в агентство подавать документы. А для этого нам нужно сделать портфолио. Вот мы сначала в салон наведаемся, приведем в порядок голову. Потом сделаем макияж. Проконсультируемся у стилиста и купим наряды. И денег не желей! Тут дело такое, что постараться надо.

– Ирина Ивановна, я же не замуж выхожу. И не еду за границу русской невестой. Сейчас эта волна прошла.

– Откуда ты знаешь? Подадим документы и в брачное агентство. Вдруг принц заморский на горизонте нарисует. Помнишь, что тебе бабка нагадала? Сама рассказывала про вещий сон. Знаешь, я где-то читала, что пары создаются на небесах...

– Я слышала. Половинки души бродят по миру и ищут друг друга. Только все это сказки, – перебила ее Алина.

– Я о другом, – назидательно подняла палец вверх Ирина Ивановна. – Пары, созданные на небесах, связывает красная нить. Так вот, у людей, соединенной этой нитью, похожи судьбы, только они до поры до времени об этом не знают.

– Это вы придумали, признайтесь! – засмеялась Алина. – Что значит похожи судьбы? Меня муж бил, а его жена?

– Не знаю. Не думаю, что схожесть в мелочах. Наверное, более глобально. Например, у тебя жизнь в браке не сложилась, у него тоже, ты оказалась в жизненном болоте, он тоже. И так далее.

– То есть, вы говорите, что где-то в этом мире есть человек, связанный со мной красной нитью судьбы? Так?

– Ну, примерно, – смутилась Ирина Ивановна.

– И я его могу встретить?

– Да. Если приложишь небольшие усилия. Будешь стоять на месте – ничего не получится. Я верю, что вещий сон никакого отношения не имеет к твоему мужу.

– А вдруг я встречу человека и не узнаю, что он моя судьба? Или внушу себе эту идею и буду в каждом встречном искать красную нить судьбы.

– Не знаю. Что ты меня пытаешь! Я только одно тебе, девонька, скажу, под лежащий камень вода не течет. Стань кузнецом своей судьбы, и она лицом к тебе повернется, а не попой, как сейчас.

Назавтра они выполнили дела, которые наметили, сходили в салон и на фотосессию. Когда Алина взглянула на отражение в зеркале, она себя не узнала. На нее глядела серыми глазами с поволокой настоящая красавица. Русые волосы сделали на два тона светлее, модно постригли и уложили локонами. Визажист тоже постаралась. Макияж идеально подчеркивал ее прелестные и тонкие черты. Чуть ярче стали скулы, четче подбородок, больше глаза. Благодаря ежедневным занятиям танцами в течение последних четырех месяцев ее фигура стала стройной и подтянутой, а движения мягкими, с какой-то кошечьей грацией.

Когда Алина заполняла анкету, она смело написала: окончила курсы хореографии, имею диплом медицинской сестры по уходу за больными, владею разговорным английским языком.

Алина вышла из агентства, высоко подняв голову. Она видела, как смотрят на нее мужчины, как завистливо переговариваются подружки в маршрутке, разглядывая ее маникюр. Ей нестерпимо захотелось встретить Виктора и показать ему, какая она стала.

А еще она хотела бросить мужу в лицо, что никогда больше не позволит ни одному мужику помыкать собой, что она сама станет управлять своей жизнью и своей судьбой. Но она не знала, что жизнь приготовила ей гадкий подарок, поэтому просто радовалась весеннему дню, теплему солнцу, растаявшему снегу, который не придется вычищать тяжелой лопатой, и своему новому облику.

Глава 13

Предложения

Весна быстро сменилась летом. И хотя май под конец баловал теплыми и по-летнему жаркими днями, начало июня было прохладным, порой дождливым. В небе постоянно парили, словно огромные корабли, тяжелые кучевые облака, готовые вот-вот пролиться затяжным дождем. Но Алина нег огорчалась, ведь пасмурная погода в начале месяца ненадолго. Лето – яркое, разноцветное, солнечное – скоро полностью войдет в свои права.

Первые дни после того как Алина написала заявления в два агентства, она каждый час просматривала почту, ожидая приглашения на работу. Вскоре азарт немного поутих, а потом сошёл на нет, и пышной клумбой расцвели сомнения. «Все правильно, – размышляла она, подметая тротуар, – таких хитрых, как я много. Все хотят устроиться получше и заработать на кусок хлеба с маслом, а то и с икрой». Честно говоря, она с трудом понимала, как клиент из другой страны выбирает себе работника. На что он смотрит: на внешность, знания, навыки или руководствуется интуицией? По каким признакам он решает, этот человек подходит ему или нет?

Она молода, красива и полна сил. Вдруг ее не захотят брать! Вдруг пожилую клиентку будет раздражать свежесть и юность сиделки? Или бабушке покажется, что она недостаточно опытная? Хотя, с этими доводам Алина бы она согласилась. Она в глубине души вообще считала себя авантюристкой и шарлатанкой. Если бы не Ирина Ивановна, никогда бы не решилась на такое дело.

Первый сигнал из агентства по уходу за престарелыми больными с громким названием «Caret» поступил через неделю. Вот так, сразу! Требовался уход за молодым человеком, попавшим в автомобильную аварию в начале зимы.

Алина почувствовала, как волнение сжало горло. «Ничего себе! Ура! Наконец-то судьба повернулась ко мне лицом!» – возликовала она, но тут же опять начала сомневаться. Осторожность и неуверенность в себе – две стороны ее характера сразу дали о себе знать.

– Куда мне придётся поехать? В какую страну? – робко поинтересовалась она, и сжала на коленях руки.

– В Испанию, в горную деревню, которая называется Puebla de Los Angeles.

– Звучит громко, – засмеялась Алина, – будто в Лос-Анджелес отправляюсь.

– Примерно так и есть, – улыбнулась директор, приятная ухоженная дама сорока лет. – Переводится как Поселение Ангелов. Я думаю, вам сказочно повезло. Ухаживать придётся за симпатичным молодым человеком, а не за стариком. Знаете, с больными пожилыми людьми слишком много хлопот.

– Интересно, а почему они ищут сиделку в другой стране. Своих, испанских нет?

– Я не знаю. Видимо, имеются на то причины. Нам об этом не сообщают. А что вас смущает? Все официально, без обмана. Такие предложения на вес золота. Не согласитесь вы, на ваше место придет еще десять желающих.

– Это я понимаю. Расскажите подробнее, – неуверенно попросила Алина.

– Пострадавшего зовут Карлос Гомес. Он сел за руль в нетрезвом состоянии и на горном серпантине не справился с управлением. Ему повезло. Падение в пропасть задержало дерево, росшее ниже по склону. Его так и нашли, висящим на стволе. Автомобиль даже слегка покачивался. Хорошо, что Карлос был без сознания. Если бы он начал шевелиться, машина сорвалась бы в пропасть.

– Он сильно пострадал?

– Да. Переломы конечностей и позвоночника, травма головы. Карлос три месяца находился в коме. Теперь он пришёл в себя, и мать забрала его домой. Ой, забыла сказать, – спохватилась директор, – у семьи в горах отель. Карлос лежит там. Комнаты приспособили под медицинский лазарет, установили оборудование и тренажеры для восстановления функций организма. Если решишься на эту работу, тебе придётся изучить инструкции.

– А с кем я буду контактировать?

– Здесь вообще очень интересная история. С нами связалась его мать, но выбирал сиделку именно Карлос. Видимо, ты ему по какой-то причине понравилась.

Алина нахмурилась. Она сразу вспомнила мужа, который говорил, что она его околдовала, поэтому он и женился. Ей совершенно не хотелось, чтобы еще один мужчина повелся на ее внешность.

– Что так смущает? – не отставала директор, почувствовав сомнения Алины.

– Много. Во-первых, Испания. Я не знаю язык, будет трудно общаться.

– Ничего страшного. Карлос владеет английским.

– Во-вторых, это мужчина. Когда подавала документы, я рассчитывала, что буду работать компаньонкой у пожилой дамы.

– А что не так с мужчиной?

– Другие условия ухода, – потупила глаза Алина. – У вас есть его фотографии? Чтобы принять решение, мне надо оценить степень повреждений. Сами говорите, это горная деревня. Получить помощь в случае чего будет негде. А вдруг я одна не справлюсь?

Директор засмеялась и стала искать в компьютере портфолио больного. Но по ее лицу Алина видела, что дама недовольна. Ей совершенно не нравилась капризная клиентка. Наконец она нашла фото и развернула экран, чтобы Алина могла полюбоваться на своего пациента.

Перед ней лежал человек, почти полностью запеленатый в саван. Повязка белела и на лице, поэтому оценить его внешность она не могла. В расходящихся турах бинтов ключьями торчали черные волосы. Правая нога была высоко поднята вверх и держалась на медицинских цепях. Левую сторону Алина не видела. Мужчину со всех сторон опутывали провода.

Заметив, как вытянулось лицо клиентки, директор затараторила:

– Вы так не переживайте. Это фото через месяц после аварии. Он тогда еще не пришел в себя. Сейчас, посмотрите, значительно лучше.

Она открыла следующий файл. Это фото уже так не пугало, как предыдущее. На нем в постели лежал тот же мужчина, только бинты охватывали уже не все тело. В правой руке он даже держал телефон и с кем-то разговаривал. На щеках и лбу розовели лейкопластыри. Аккуратно постриженная бородка уже не казалось грязной мочалкой.

– Видите, ни капельниц, ни катетеров уже нет. Карлос еще не может ходить. У него перелом позвоночника, но не критичный. При хорошем уходе, гимнастике и заботе он встанет на ноги.

– На какой срок они хотят заключить контракт?

– Пока на полгода. Если понадобится, и ты понравишься, продлят на год.

«Так мало?» – расстроилась Алина. Она рассчитывала, что сможет заработать много денег, отложить и купить ипотеку, а тут...

– Семья живет в достатке, – продолжала уламывать директор. – Ты не переживай, они готовы хорошо заплатить за работу.

Алина слушала внимательно, но ее насторожила настойчивость директора. «Почему она так меня уговаривает? Могла бы предложить эту работу кому угодно», – подумала Алина и сразу принять решение отказалась. Попросила день на раздумья. Директор нехотя согласилась.

Она приехала домой в полном раздрае. Весь вечер Алина обдумывала предложение и все же решила отказаться. Она забыла, как ставить капельницу. Иглой в вену уже не попадет, хоть и практиковалась, когда ходила на курсы, на тренажерах. А если придется вставлять катетер

в уретру? Алина похолодела только от одной мысли об этом. Она помнила, как мучилась на практике и все равно не сумела взять мочу у мужчины.

– Нет. Это не для меня. Да еще и в горах! Что я там делать буду? Без знания языка. А если наврежу? Меня же под суд отдадут.

Ирина Ивановна, выслушала ее соображения, сразу набросилась на нее и отругала за сомнения.

– Ты опять включила трусливую домохозяйку? Совсем не хочешь за себя бороться? Готова сунуть, как страус, голову в песок и переждать, пока за тебя проблемы кто-нибудь решит!

– Зачем вы так, Ирина Ивановна! Я не только о себе думаю. Пациенту такая сиделка, как я не нужна.

– Пойми, дурочка, может, этот молодой человек – твоя судьба, а ты так легко от него отказываешься.

– Вы как мама моя! Та с Виктором носилась, как с торбой писаной, а вы – с Карлом. Заладили обе: судьба, судьба, – окончательно разозлилась Алина. – Ну, нельзя так со мной! Может, этот мужик еще хуже мужа окажется. В России все свои. Я убежала из дома – вы мне помогли. А там! Куда я побегу? Останется только в пропасть сигануть с горы. Вот будет смешно, если у него жена и дети есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.